

Наталья Александрова

Загадка
небесного камня

Роковой артефакт

Наталья Александрова

Загадка небесного камня

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Загадка небесного камня / Н. Н. Александрова — «Издательство АСТ», 2022 — (Роковой артефакт)

ISBN 978-5-17-151870-7

Согласно легендам северных народов в ночь падения Тунгусского метеорита на землю спустился огненный бог Агды, чтобы покарать белых людей и вернуть землю ее прежним хозяевам — эвенкам. Однако сильный шаман заколдовал Агды и заключил его в заговоренный железный амулет, имеющий необыкновенную магическую силу. Тот, кто завладеет амулетом и выпустит плененного бога, завоюет власть над всем миром. С тех пор по лесам и болотам ходят многочисленные экспедиции в поисках старинного артефакта. Машу Русакову не слишком интересовали ни природные катаклизмы столетней давности, ни сказки народов Севера, пока однажды в руки ей не попал необычный предмет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-151870-7

© Александрова Н. Н., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Наталья Александрова

Загадка небесного камня

© Н. Александрова, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

– Вот такие вот дела... – Маша невидящими глазами смотрела прямо перед собой. – Что делать? Хоть вешайся. Только он этого от меня и ждет.

– Да уж, влипла ты, Русакова, по самые уши! – ответила Танька и помахала рукой официантке, чтобы принесла еще пирожных.

Кафешка была так себе, но, поскольку находилась рядом с офисом агентства недвижимости, где трудилась Танька, ее тут все знали. Да и ее коллег тоже. Офис представлял собой две крошечные душные комнатенки, заваленные бумагами, поэтому многие дела решались здесь же, в кафе. Агентство было так себе, не из лучших, дела у него шли ни шатко ни валко, однако Таньке, по ее собственным словам, хватало на хлеб с маслом. И на пирожные.

Официантка принесла фруктовую корзиночку и чизкейк, фамильярно похлопала Таньку по мощному плечу – кушай, мол, к Рождеству нарежем – и удалилась.

Танька на прозрачный намек не обратила внимания, она всегда была толстой. И ни капельки по этому поводу не переживала, и ничуть не расстраивалась. Фамилия ее была Тусова, и за свои габариты получила она в школе кличку Танька Ту-сто-четыре.

Они дружили с пятого класса. Как открылась у них во дворе новая школа и две девочки сели на третью парту в среднем ряду, так и просидели до окончания школы вместе. У Таньки характер легкий и бесшабашный, на все неприятности она только рукой махала, и они сами улетучивались.

И уж если сейчас вместо обычного своего «не парься, Русачок, все образуется» она сказала, что Маша влипла, значит, так оно и есть. Да Маша и сама понимала, что жизнь ее ужасна и беспросветна. Уже давно, несколько месяцев. А точнее полтора года. Весь этот кошмар начался полтора года назад. Только тогда она думала, что нашла наконец свое женское счастье.

«Господи, что со мной стало, – тут же опомнилась Маша, – я даже думаю теперь, как героини женских романов! Вот уж чего раньше никогда не было...»

– Ты окончательно решилась? – спросила Танька невнятно, оттого что жевала корзиночку. – Не будет так, что ты позвонишь мне и скажешь, что все в порядке, что вы выяснили отношения и ты решила дать ему еще один шанс?

– Да ты о чем? – Маша отодвинула пустую чашку.

– Я о чем? – возмутилась в ответ подруга. – А что, не было этого? Я, как полная дура, уже документы подготовила, к начальству вышла, а ты мне звонишь – полный отбой! Дескать, это было ошибкой, ты погорячилась, он, Рустамчик твой, осознал свою вину, надо, дескать, подходить к нему с другой меркой, вы с ним, дескать, воспитаны на разных сказках, поэтому не можете понять друг друга...

– Я это говорила? – изумилась Маша.

– И еще много такой же чуши, – угрюмо подтвердила Танька.

Маша поникла головой и тяжело вздохнула.

– Теперь точно не передумаю, – сказала она после долго молчания, – теперь уже полный край. Домой боюсь идти, бить он меня начал.

– Бить? – Таньку наконец проняло.

– Да тише ты, – прошипела Маша, – вон, люди оглядываются.

– Да какие тут люди, все свои! – отмахнулась Танька. – Кому какое дело? То-то я гляжу, морда у тебя какая-то не такая...

– Это зажило уже. – Маша совсем пала духом. – В первый раз ударил, когда пришла поздно после презентации. Ну, довез меня начальник на машине, а что такого? Выпили там, он и взял такси, нам по дороге было... А Рустам меня встречает – весь в поту, глаза горят, как у дикого кота, обозвал по-всякому да по щекам отхлестал. Я, конечно, возмутилась – что ты себе позволяешь, как смеешь? А он тогда схватил меня за шею – думала, задушит. Ну, опомнился потом, прощения просил, на коленях стоял, на руках носил...

– Секс, конечно, у вас был обалденный... – прищурилась Танька.

– Ну да... – Маша подняла на нее глаза, – это всегда пожалуйста, с этим никаких проблем.

– Этим он тебя и взял! – безжалостно добавила Танька. – Поплыла ты, Русакова, как мороженое на асфальте!

– Только наутро как глянула я на себя в зеркало, так и обомлела. Все лицо в синяках, фиолетовое просто.

– Круто! Как же ты на работу-то в таком виде? – полюбопытствовала Танька.

– Выходной был, а потом я сказала, что после косметической процедуры, нити вставляла.

– Что еще за нити?

– Ой, да не бери в голову, не об этом речь!

При Танькиной комплекции она могла не бояться морщин до восьмидесяти лет.

– Так и ходила неделю, потом зажило.

– Простила его? – В Танькином голосе прозвучало нескрываемое презрение. – Вот я тебе скажу, если бы меня Вовка хоть пальцем тронул, он бы летел у меня с двенадцатого этажа без парашюта!

Как ни была Маша расстроена, она не могла не улыбнуться, представив себе низкорослого щуплого Танькиного мужа, который поднимается на цыпочки, замуривает глаза и хлопает ее по щекам. Да уж, вряд ли у него получится, скорей Танька его отлупит.

Впрочем, они никогда не ссорятся, у Таньки характер легкий, и Вова мужчина тихий, все больше с дочкой возится, пока Танька на работе. А вообще-то она понятия не имеет, как они живут, потому что виделись они с Танькой в последнее время редко. Да и раньше часто расходились надолго. Но если что случится серьезное, то сразу к Таньке нужно бежать, уж она точно никогда не навредит. Не выдаст, не позлорадствует, не растреплет по всему городу про Машины неприятности. А в данном случае еще и помочь может.

– Ну, потом что было? – спросила Танька, покончив с пирожными. – Не раскисай, Русакова, у меня времени мало, говори толком!

– Толком я уже давно ничего не делаю... – Маша снова вздохнула, – того гляди с работы уволят, с соседями проблемы, матери боюсь на глаза показаться, квартира...

– Квартиру ты решила продавать! – припечатала Танька. – Чтобы с этим паразитом разъехаться! А что там с соседями?

– Да понимаешь... тогда недели две он продержался, а потом пошло-поехало. Вроде бы старалась я повода ему не давать, да как назло все время на работе задерживалась. Ну, приехал он как-то за мной, наорал при всех. Начальник мне утром замечание – у нас, мол, приличная фирма, чтобы я такого больше не видел, в следующий раз охрану вызову. А если, говорит, вас, Мария Сергеевна, такое положение вещей не устраивает, то милости прошу по собственному желанию, вы, конечно, сотрудник ценный, но незаменимых, как раньше говорили, у нас нет.

Я, конечно, дома Рустаму все высказала – ты понимаешь, кричу, что я из-за тебя работу потеряю? И такой не найду больше, чтобы так хорошо платили. Он – в крик, что я его унижаю как мужчину. Ну, я и ляпнула, что на мои деньги живем.

– Что, правда? – вскинулась Танька. – Ты эту дрянь еще и содержишь?

– Было одно время... – вздохнула Маша, – когда он денег не приносил совсем.

– Ну, Русакова! – начала было Танька, но взглянула в Машины несчастные глаза и осеклась.

– В общем, я же еще и прощения просила, на коленях стояла... А лето, окна открыты, в общем, встречаю я на неделе соседку в лифте, она так смотрит и говорит, что у нас, мол, дом новый, хороший, люди все живут приличные... И намекает мне насчет того, что закон есть по поводу шума и можно полицию вызывать...

– А ты что?

– А я сорвалась, нахамила, некоторым, говорю, много дела до чужих отношений!

– Это ты зря...

– Сама знаю, что зря, эта ведьма в ТСЖ пожаловалась и растрепала по всему дому, на меня и другие соседи коситься начали. Знаешь ведь, как у нас относятся к людям кавказской национальности.

– А не орали бы при раскрытых окнах... – протянула Танька. – Ладно, что еще случилось?

– Я Рустаму сказала про соседей да про полицию, а он в лицо мне рассмеялся. Дескать, пускай старая ведьма жалуется, с ней там и разговаривать не станут, у него в нашем отделении все схвачено.

– Что, правда?

– Ну да, кто-то у него там знакомый, его и прописали ко мне поэтому легко. Один раз прихожу я домой, а Рустам с ним на кухне сидит. Мужик так поглядел на меня нагло – я, говорит, из нашего отделения, вот, Рустама давно знаю, а с вами решил познакомиться... Я говорю, простите, вас не вызывали, с чего вы пришли? Это, говорит, хорошо, что у вас тишь да гладь, так и продолжайте жить... И ушел, а Рустам мне и говорит: если ты попробуешь меня выписать, то ничего у тебя не получится!

– Во как! – вставила Танька. – Знакомое дело, квартира, конечно, твоя, но ты, дура, его прописала в свое время, хоть говорила я тебе этого не делать. И теперь фиг его выпишешь, если ему некуда!

– Потом он совсем распоясался. Я уж стараюсь ему угождать как могу, да все не так. Соус ткемали не так приготовила – по морде, рубашку его сожгла – в глаз. На работе чего только ни врала – и что имплантат у меня плохо приживается, и что гель не тот вкачали, оттого и синяки. Чувствую – не верят мне уже, переглядываются за спиной.

– Да кто в такое поверит? Ох, Русакова, ну как же тебя угораздило? Да ладно, не реви, – добавила Танька, заметив, что в подругину чашку из-под кофе капают слезы.

– Ты меня знаешь не первый год, – Маша высморкалась в салфетку, – я не рохля и не мямля. Но тут как околдовал он меня.

– Сексом взял... – на этот раз в голосе Таньки звучало несомненное ехидство.

– Ну да, мне казалось, что такого мужика я всю жизнь ждала. И дождалась. Лет-то нам сколько...

– А сколько? Тридцать пять всего, какие наши годы?

Маша подумала, что Танька, толстая обжора Танька по кличке Ту-сто-четыре, как-то все умудрилась успеть. И муж у нее есть какой-никакой, и дочка в первый класс пойдет осенью. И работа опять-таки не бог весть что, но, может, это и не главное? А у нее, Маши, которая всегда была и красивее, и умнее, как-то ничего не сложилось. Теперь она одна как перст, нет ни мужа, ни детей, о любимом мужчине не может думать без содрогания, с работой ничего не ясно, и квартиру, в которую вложила столько денег и сил, придется продать. Да и машину, наверно, тоже.

– В общем, ударил он меня как-то по привычке на кухне, а у меня нож в руке. Я – на него, да куда там! Вырвал он нож, к лицу поднес – счас, говорит, всю морду перережу, кому ты такая будешь нужна? А мне ничего не будет, а если и будет, то тебе-то с этого не легче...

– Логично... – протянула Танька.

– Гляжу, а глаза у него прямо белые от бешенства. Руки дрожат, сам весь потный, слюной брызжет и шипит... Веришь – сознание потеряла от страха. Очнулась – в кровати, опять он меня по щекам лупит, чтобы в себя привести. Отвела его руку, села, да и говорю – чего, мол, хочешь, чтобы убраться из моей жизни навсегда? Знаю, что просто так из квартиры не выпишешься, так сколько тебе нужно? И не трать, говорю, время на слезы да на извинения, кончилось это все уже, больше не пройдет, не работает.

Он, конечно, начал распинаться, как мы счастливо жить будем с ним да ребенка заведем и так далее.

Ну, говорю, это все уже в прошлом, давай по существу. Он и заявляет: раз ты так, то я, конечно, выпишусь и уйду. Но куда? Нужна мне своя площадь. Да не просто комнатенка в коммуналке, а отдельная квартира.

Ого, говорю, от жадности не умрешь? Ну, он понял, что притворяться больше не надо, наслушалась я. Угрожал, что убьет и закопает в овраге, никто не найдет. Ну и так далее. А только на меня все это уже не действовало, я ему и говорю, что если умру, то ему квартиры все равно не видать, она матери моей достанется как ближайшей родственнице, а у мамы новый муж – адвокат крупный.

– Что, правда? – удивилась Танька.

– Нет, конечно, понятия не имею, кто он такой, но Рустам поверил. Но стоит на своем – квартиру ему, однокомнатную, хоть в хрущобе, но не первый этаж и не последний.

– Губа не дура у него...

– Таких денег у меня нету, так что придется квартиру продавать, я же тоже в коммуналку не поеду...

– Ну, про это ты по телефону говорила, – Танька поерзала на стуле, – в общем, так, Русакова, про твою квартиру я все знаю, она быстро уйдет, если цену не зависить. Ему однушку тоже подберу, это не проблема. А вот с тобой...

– Я уже на все согласна, только чтобы одной остаться! – вскинулась Маша. – Веришь ли – домой боюсь возвращаться, все перед глазами его рожа стоит перекошенная, во сне вижу, как он на меня с ножом бросается. В общем, полный край наступил, на тебя вся надежда.

– Есть кое-что на примете... – Танька изучающе смотрела на подругу. – В общем, ты сейчас куда?

– На работу, у меня уж перерыв давно кончился! – спохватилась Маша. – Ох, уволит меня начальник!

– Поезжай, я с владельцем квартиры свяжусь и тебе звякну!

Танька позвонила к концу рабочего дня, сказала, что есть для Маши кое-что подходящее – квартира в центре, на улице Средней Подъяческой. Райончик так себе, недалеко от Сенной площади, но дом хоть и старый, но не развалюха. Квартира двухкомнатная, площадь, конечно, маловата, но выбирать не приходится.

– Там старушка умерла, а по документам квартира ее племяннику принадлежит, бабка ему в свое время дарственную сделала. А он куда-то уезжает, квартиру эту срочно продает! Цену еще снизит, если поторговаться! – орала Танька в трубку. – И самое главное – он сказал, что если аванс заплатим, то в этой квартире можно сразу жить! А то тебя твой урод и вправду убьет или до смерти запугает!

– Я согласна, – дрогнувшим голосом сказала Маша.

Условились, что Танька заберет ее из дома, где Маша соберет документы и кое-какие вещи на первое время. Маша почувствовала, что тугой комок из колючей проволоки, который с некоторого времени появился у нее внутри, потихоньку разматывается. И проволока уже не такая колючая, не так больно ранит... Все же какое счастье, что у нее есть Танька Ту-сто-четыре!

У Таньки в машине сидел самый настоящий шкаф. Он аккуратно занимал все заднее сиденье. Одет шкаф был в клетчатую теплую рубашу, на небольшой незаметной голове плотно сидела кепка-бейсболка с названием американского клуба.

– Это Юраша, – сказала Танька, – он нам пригодится.

Из машины Юраша вылезал очень медленно, как будто боялся что-то расплескать, и ходил тоже не спеша, аккуратно переставляя ноги, ему некуда было торопиться.

Рустам оказался дома, и Маша поймала себя на мысли, что впервые за долгий срок ее сердце не провалилось вниз от страха – какой он сегодня? За что наорет или вообще изобьет ее на этот раз?

Он вышел в прихожую и увидел Таньку.

– Это еще что за баба? – неприятно удивился он. – Зачем ты притащила в дом этот кусок сала?

Танька и бровью не повела, хотя теперь Маша не назвала бы ее Танькой. Сейчас Танька не болтала с подружкой, а работала.

Татьяна посторонилась, и в дверь заглянул Юраша. Прихожая у Маши была просторная, но тут в ней стало тесно. Было даже забавно наблюдать, как из обычно яростного и надменного лицо Рустама становится растерянным, а потом просто трусливым.

– В чем дело? – Даже голос у него дрогнул, вместо бархатного баритона получился жиденький тенорок.

– Ты помолчи пока. – Подруга сжала Машин локоть. – Мы тут сами разберемся.

Маша кивнула и ушла в спальню собирать вещи.

– Значит, так, – сказала Татьяна спокойно, – эту квартиру она продает. Я агент по недвижимости, со мной будешь дело иметь. Тебе – однокомнатную в Купчине, этаж третий, окна не на помойку выходят, подъезд закрывается. Прямо сейчас поедешь смотреть вот с Юрашей. Там и договор подпишешь.

– А если я не согласен? – взбрыкнулся Рустам. – Может, я выбирать хочу?

– Моя бы воля – ты бы выбирал между местом у параша и больничной койкой, – сказала Татьяна ровным голосом, – но раз она хочет, чтобы все было по-человечески, хотя ты, шелупонь рыночная, этого и не заслуживаешь, то вот тебе квартира, и подавись ею. И чтобы завтра же выписался отсюда, Юраша проверит. А сейчас он сфотографирует тут все, и смотри – если хоть одна лампочка пропадет, или краны ты снимешь и налевопустишь, или со злости мебель переломаешь – мало тебе не покажется, обещаю. С полицией найду.

– Ты мне полицией угрожаешь? – Рустам нагло рассмеялся. – Да ты знаешь, что капитан Семушкин из нашего отделения – мой самый лучший друг?

– Это хорошо, что ты фамилию назвал, – опять-таки спокойно заметила Татьяна, – потому что у меня тоже есть хороший друг, в отделе по борьбе с коррупцией. Полковник Коноплянко, не слыхал про такого? Ему как раз кстати – сразу нужное имя получил. Как думаешь, если у капитана Семушкина неприятности начнутся и он узнает, кто его сдал, – как он к этому отнесется?

Маша, прикинув к двери спальни, услышала сдавленное ругательство, потом возню и приглушенный крик, как видно, Рустам случайно ударился об Юрашу. После чего громко хлопнула дверь, и в спальню заглянула Татьяна.

– Ну, ты готова? Белье постельное возьми, еды на первое время... Ну, и ценные вещи...

– Кольцо бриллиантовое не найду никак... – пробормотала Маша.

– Упер уже, значит... – произнесла Танька равнодушно, – можешь с ним проститься.

Маша только кивнула.

– Машина у тебя где? – спросила Татьяна, выходя.

– В ремонте. Хотела ее менять, да куда уж теперь, – вздохнула Маша, – может, и эту продать придется...

– Возможно, – сухо заметила подруга.

Татьяна остановила автомобиль возле железных ворот, выкатилась из него колом, набрала код на замке, открыла калитку и оглянулась на подругу:

– Ну, пошли, что ты зеваешь?

Маша неуверенно вошла вслед за ней во двор, разочарованно протянула:

– Еще и вход со двора...

– А ты чего хотела? – фыркнула Таня. – Думала, тебе хоромы в «золотом треугольнике» приготовлены? Извини, подруга, но чудес не бывает! Хоть твоя двушка и очень хорошая, но получить за нее две приличные квартиры нереально! Тем более что ты сама хотела как можно скорее!

– Извини. – Маша смутилась: и правда, подруга сделала для нее все, что могла...

Двор оказался на удивление приличный – чистенький, в середине скверик с двумя скамейками, сбоку – аккуратный двухэтажный флигель с вывеской какой-то компании.

– Здесь офис небольшой фирмы, – стрекотала Татьяна бодрым голосом, как будто Маша была обычной клиенткой, которой нужно впарить квартирку. – То ли интернет, то ли страхование, но они за двором ухаживают, так что здесь и чисто, и безопасно! И машину ставить можно на ночь, на их стоянку.

Маша только вздохнула – какая машина... Ее же нужно будет продать, чтобы разобраться с долгами...

Они прошли в угол двора, к подъезду. Татьяна открыла дверь электронным ключом.

Подъезд тоже был вполне приличный, недавно отремонтированный, чему Маша приятно удивилась.

– Ну, видишь, как здесь хорошо! – не унималась Таня. – Все квартиры давно раскуплены и отремонтированы, одна твоя осталась.

– А почему ее никто раньше не купил?

– Планировка очень сложная! – Танька покосилась на подругу. – Ну, да ты сама сейчас все увидишь. Но для тебя ведь планировка не самое главное?

Да уж, подумала Маша, планировка для нее не самое главное. Самое главное для нее – оказаться одной, в собственном жилище, закрыть дверь и забыть кошмар последних месяцев.

Она поднималась вслед за подругой по крутой лестнице. Лифта здесь, конечно, не было, ну да бог с ним. В старых домах лифт – это вообще редкость, а здесь всего пять этажей, не страшно...

– Зато на фитнес ходить не надо, – пыхтела Танька, – деньги сэкономишь...

Двери квартир были новые, красивые. На площадках между этажами стояли кадки с комнатными цветами – красота, сразу видно, что живут приличные люди, которым хочется, чтобы вокруг было красиво. Вот только лестница уж больно крута...

Наконец они поднялись на пятый этаж.

Здесь имелась только одна дверь – и совсем не такая, как у других квартир: старая, обитая потертым и выцветшим дерматином, из-под которого тут и там торчали клочки серой ваты.

– Ну, дверь ты сразу поменяешь... – пробормотала Танька, перебирая ключи на связке, – сама понимаешь, бабулька была старенькая, племянник этот, которому дарственную она написала, вообще из другого города, приезжал редко, но квартира все же совсем не развалина...

– Поменяю дверь... – повторила за ней Маша, тоскливо думая, как много у нее первоочередных расходов и как мало останется денег.

Танька наконец нашла нужный ключ, повернула его в замке, распахнула дверь и отступила в сторону:

– Ну, заходи, подруга, вот ты и дома!

Маша вошла неуверенно, робко, остановилась на пороге, не решаясь идти дальше.

Что-то ее здесь ждет? За последние месяцы она привыкла уже, что не ждет ее впереди ничего хорошего.

В квартире пахло пылью, затхлостью, прежней жизнью. Пахло едой и лекарствами, пахло старостью и еще чем-то трудноуловимым, но неприятным. Маша вспомнила свою квартиру – и сердце невольно защемило. Как там было светло, красиво, уютно! Как хорошо она все продумала, когда делала ремонт! Две большие светлые комнаты – спальня и гостиная, просторная кухня, буквально напичканная всевозможными приборами.

Маша не то чтобы любила готовить, но ей хотелось обустроить уютное гнездышко. Она верила, что обживает квартиру не для себя одной. Как она была счастлива, когда закончилось это мучение с ремонтом и привезли всю мебель. Когда она поставила последнюю стеклянную фигурку на специальную полочку в кухне, когда обновила супермодную кофеварку, она поверила, что в этой квартире ждет ее счастье.

Да, неплохо после этого вспомнить, чем все закончилось, чтобы сердце перестало тоскливо замирать. С квартирой все кончено, и о стеклянных фигурках она станет сожалеть в последнюю очередь, Рустам выломал полку и растоптал их ногами в первом же припадке ярости. Тогда еще на нее он руку не поднимал.

И Маша уверенно шагнула вперед. Здесь, в этом захламленном душном помещении, по крайней мере, она будет одна, здесь никто не посмеет унижить ее, никто ее пальцем не тронет!

В прихожей было темно. Вдруг впереди, выше ее головы, мелькнули два зеленых огонька. Мелькнули – и тут же погасли.

Маша моргнула, снова уставилась в темноту – нет, там ничего не было, должно быть, эти зеленые огоньки ей померещились. Она пошарила рукой по стене и почти сразу нашла выключатель.

Загорелся свет – тусклая лампочка под пыльным зеленым абажуром. Все же теперь можно было оглядеться.

Стены прихожей были оклеены ужасными обоями в блекло-зеленых узорах, по которым были разбросаны мелкие розовые цветочки. Понизу эти обои были ободраны. Напротив двери стоял громоздкий допотопный шкаф, по обе его стороны от прихожей отделялись два темных рукава коридора.

В одну из створок шкафа вставлено тусклое зеркало с поцарапанной амальгамой. В этом зеркале Маша увидела свое мутное отражение – и невольно содрогнулась: как же плохо она выглядит!

– Ну, как тебе? – жизнерадостно проговорила Танька, вслед за ней протискиваясь в прихожую. – Ну, тут, конечно, придется поработать, обои переклеить и так далее...

Маша стояла в растерянности, а Танька уже устремилась в правый рукав коридора, оттуда доносился ее оживленный голос:

– Иди сюда, посмотри, какая хорошая ванна!

Маша неуверенно последовала за подругой.

В коридоре было темно, и вдруг из этой темноты под ноги Маше метнулось что-то еще более темное. Маша испуганно вскрикнула, шарахнулась назад, при этом зацепила что-то плечом, с жутким грохотом на пол обрушилось оцинкованное корыто...

Маша задом выскочила в прихожую, отступила к двери и стояла там, трясясь от ужаса.

В проеме коридора возникла Танька, на ее лице было удивление.

– Русакова, ты что? – проговорила она растерянно. – Что случилось? На тебе лица нет!

– Там... там что-то есть... – пролепетала Маша непослушными губами. – Что-то или кто-то... оно мне под ноги кинулось...

– Оно? – Танька расхохоталась, шагнула назад и тут же снова появилась с огромным котом на руках. – Это кот, я тебя забыла предупредить, он от прежней хозяйки остался!

– Кот?! – Маша попыталась взять себя в руки, но сердце все еще колотилось. – О господи, а я так испугалась...

Кот был очень большой, черный, как ночь, и удивительно пушистый. Как ни странно, он спокойно сидел на руках у Татьяны и даже не пытался выдираться, только смотрел куда-то вдаль чуть раскосыми зелеными глазами. Морда его была неподвижна и загадочна, как маска восточного шамана.

– Ты смотри, какой ласковый, – удивленно проговорила Татьяна. – Ну, ты хоть не одна будешь! Все же живая душа!

Маша не стала говорить подруге, что главная ее мечта в последнее время – как раз побыть одной. Она спросила о другом:

– А чем же он здесь питался все это время?

– Не знаю, – Татьяна пожала плечами. – Наверное, мышей ловил...

– Так здесь, значит, еще и мыши есть?!

– Ну, не знаю, это ты у него спроси, насчет мышей он лучше знает... – Татьяна почесала кота за ухом, и тот в ответ громко и благодарно замурлыкал.

– Да, нервы у тебя стали ни к черту! – констатировала Татьяна и осторожно спустила кота на пол. – Ну, пойдем, я тебе ванну хотела показать – ты такого никогда не видела!

Она решительно развернулась, прошла по темному коридору. Маше ничего не оставалось, как последовать за ней.

«До чего же я дошла, – думала она, догоняя подругу. – Кота испугалась! Нервы стали никуда совсем...»

И не только нервы. Болел желудок, как будто грыз его кто-то и царапал. Ныли ребра, в недавнюю их стычку Рустам пнул ее ногой. Вроде бы не сломал ничего. Маша похудела и побледнела, вчера заметила, что юбка буквально висит на ней. В последнее время она почти не спала, так что в ушах стоял звон и перед глазами было все серо. Нет, так она долго не выдержит...

Кот шел следом за ними, с интересом принюхивался, заглядывал в глаза – видно, соскучился по живым людям.

– Вот, погляди! – Татьяна с гордостью открыла дверь ванной комнаты, зажгла свет.

Помещение было очень просторным, наверху имелось немаленькое окно, через которое Маша увидела крышу соседнего дома.

– Всю жизнь мечтала о ванной с окном! – не уставала восхищаться Татьяна.

Увидев сомнение на лице подруги, она тут же сдала назад:

– Если тебе не нравится, можешь его потом заделать. Или хотя бы повесить жалюзи. А ты вот на это лучше посмотри!

Маша проследила за ее взглядом и увидела ванну – огромную, на изогнутых львиных лапах. В такой ванне запросто могли бы поместиться два, а то и три человека. Что удивительно – ванна была чистой, без ржавых разводов, без сколов на эмали.

– Ну вот, тут тебе совсем немного придется вложить, – деловито говорила Татьяна. – Ну, плитку поменять, краны...

Заметив выражение Машиного лица, она осеклась.

– Ну, конечно, это когда ты придешь в себя... – пробормотала она неуверенно.

После ванной Танька притихла и показала ей две жилые комнаты. Одна – узкая и длинная, как пенал, казавшаяся еще уже из-за непривычно высокого потолка, другая – побольше, но вовсе странной формы – с одной стороны у нее был большой треугольный выступ, так что в комнате было не четыре стены, а пять, и соответственно пять углов, как у известной площади.

В узкой комнате стоял старый диван, обитый выгоревшей и растрескавшейся кожей, и Маша подумала, что устроит здесь спальню. По крайней мере, на первое время. Рядом с диваном располагалась небольшая тумбочка, возле окна – этажерка, на которой лежала стопка

старых выцветших журналов. Впрочем, окном то, что было в этой комнате, можно было назвать только с натяжкой: крошечное оконце под самым потолком едва пропускало солнечный свет.

«Вот странно, – подумала Маша. – В ванной – довольно большое окно, а в жилой комнате – крошечное оконце, как в тюремной камере прямо...»

Во второй, пятиугольной комнате мебели вовсе не имелось, зато имелаась красивая печка, облицованная бело-голубыми изразцами в мельницах и парусниках. Кажется, такие печи называли голландскими.

Еще в квартире была кухня – не то чтобы маленькая, но тоже неудобная, узкая. Здесь от старых хозяев остались стол и пара неожиданно красивых и крепких стульев.

– А еще здесь есть холодильник! – с гордостью сообщила Татьяна, которая никак не могла отделаться от риелторской привычки расхваливать жилье.

– Где? – заинтересованно спросила Маша, не увидев на кухне никакого холодильника.

– А вот! – подруга подошла к стене возле окна, открыла неприметную дверцу. За этой дверцей оказался глубокий встроенный шкаф с застеленными бумагой полками.

– Это большая редкость, – сообщила Таня. – Естественный холодильник в стене. Здесь так хитро устроена вентиляция, что в этом шкафу всегда холодно и можно хранить продукты. До революции во многих домах были такие холодильные шкафы. А ты как думала – где наши прабабки хранили продукты?

Честно говоря, Маша об этом никогда не задумывалась, но наличие в квартире холодильника, пусть и такого странного, ее порадовало – все же будет куда сейчас положить еду. Неизвестно, когда она сможет купить себе настоящий холодильник. Потому что в ее квартире вся кухонная мебель встроенная, просто так ничего не вытащишь.

– А еще тут есть второй вход, – продолжила Танька вываливать сюрпризы старой квартиры.

Она отдернула пеструю занавеску в углу кухни. За ней оказалась дверь, выкрашенная тускло-зеленой масляной краской и запертая на массивную железную щеколду.

– Кажется, эта дверь не открывается, – добавила Танька. – Но со временем, если захочешь...

Она не договорила, и Маша пожала плечами – она не знала, зачем ей может понадобится второй вход в квартиру.

Вообще она устала, устала от всего – даже от Таньки с ее безграничным энтузиазмом.

Подруга почувствовала ее настроение и заторопилась:

– Русачок, мне вообще-то пора... слушай, ты точно хочешь здесь остаться? Как-то тут все же неудобно... может, поедешь ко мне, переночуешь? У меня, правда, Вера Ивановна из деревни приехала, Вовкина мамаша, но как-нибудь ты с ней в одной комнате устроишься... она не такая уже вредная, только храпит здорово...

Маша представила, что ей придется ночевать в одной комнате с Таниной свекровью, суровой деревенской теткой, к тому же еще оглушительно храпящей, – и поспешно отказалась, заверила подругу, что хочет побыть одна, в тишине и покое.

Интересно, что Танька со свекровью жила дружно, то есть отправляла к ней дочку на лето со спокойной душой, бабка держала внучку в строгости и приучала к домашнему хозяйству. Девочка, кстати, удалась характером в Таньку – то есть все неприятности воспринимала легко. Приезжая в гости, свекровь начинала мыть и скоблить Танькину квартиру, а если и ворчала, то подруга не обращала на нее внимания.

– Ну, смотри... – Танька с сомнением покачала головой. – Если что – звони...

Маша закрыла за подругой дверь.

На нее обрушилась тишина.

В первый момент она почувствовала удивительную радость: она одна, у нее есть свое собственное, личное пространство, где никто ее не тронет, куда никто не войдет без ее разрешения.

Но уже через несколько минут гулкая тишина пустой квартиры начала давить на нее, как тяжелая каменная плита.

Она разобрала сумку, порадовалась, что сообразила взять сахар и заварку. Посуды на кухне почти не было, кастрюль тоже, видно, счастливый наследник прежней хозяйки выбросил все старое барахло. Зато в углу стоял новенький электрический чайник – небось подарили старушке на Новый год или День Победы. Маша вскипятила чаю, сделала бутерброд. Тут же рядом с ней возник кот, который до этого прятался где-то в темных закоулках квартиры.

Маша дала ему кусок сыра, он его аккуратно и вежливо съел.

– Как же тебя зовут?

Кот посмотрел на нее так выразительно, что Маша ничуть не удивилась бы, если бы он ответил человеческим голосом. Но кот только благодарно мурлыкнул.

Маша достала из сумки простыни и постелила их на старом диване. Хотела положить кое-какие мелочи в прикроватную тумбочку, но ящик тумбочки никак не выдвигался, видно, его заклинило, так что она оставила эти попытки.

Диван был жутко неудобный, из него в самых неожиданных местах вылезали пружины, впиваясь Маше то в бок, то в спину, кроме того, при каждом движении он безбожно скрипел. В дополнение ко всем этим радостям ближе к полуночи на диван забрался кот. Он устроился у Маши в ногах, свернулся калачиком и заснул.

Сперва Маше стало еще более неудобно – даже ноги толком не вытянуть, – но потом исходящее от кота живое тепло успокоило ее, и она наконец задремала. Перед глазами поплыли разноцветные круги и полосы, сплетающиеся в сложные узоры начинающегося сна, но вдруг в бок ей впилась очередная диванная пружина. Тут же фантастические узоры сна рассыпались на куски, накатили воспоминания, и снова сна не было ни в одном глазу.

Здесь, в тишине чужой квартиры, наедине с собой она смогла задать себе простой вопрос: что же случилось с ней, с Марией Русаковой, умницей и красавицей, как пишут в глянцевого женских журналах, подающей большие надежды, имеющей огромные амбиции и желание сдвинуть горы, сделать карьеру, добиться всего во что бы то ни стало.

Маша рано поняла, что вырастет красавицей, уже классе в седьмом мальчишки на нее заглядывались, и телефон дома раскалится от звонков. Мама была недовольна, потом поняла, что Маша не обращает на школьных кавалеров ни малейшего внимания, и успокоилась.

– Тебе от семьи достались внешность и ум, – говорила мама, – и еще способности. Так что с такими данными грех не добиться высокого положения.

Маша была полностью с ней согласна. Хотя насчет семьи...

Они жили вдвоем с мамой, потому что Машин отец умер, когда ей было лет десять. Не имелось у мамы ни братьев, ни сестер, с родственниками отца она не зналась, никогда про них не говорила, может, и не было их совсем. Не ладила она и с Машиной бабушкой, не то чтобы скандалили и ругались, но виделись редко, словно кошка между ними пробежала. Так что мамины слова насчет семьи Маша по молодости не принимала всерьез, она понятия не имела, от какой семьи ей что досталось. Ясно было только, что Маша на маму не похожа.

Училась Маша хорошо, не прикладывая для этого особого труда, все ей давалось легко. В институт поступила тоже довольно легко, денег-то у мамы было маловато, чтобы платить репетиторам, однако выдержали, заплатили.

– Это тебе аванс, – говорила мама, – надеюсь, что я правильно вложила свои деньги.

Причем сказано это было вовсе не в шутку, а на полном серьезе. Маша училась, подрабатывала на выборах, летом – в небольшой турфирме, занималась даже синхронным переводом – с языками у нее всегда было хорошо.

На последнем курсе появился у нее Антон. Собственно, недостатка в друзьях-приятелях не наблюдалось. Маша вовсе не была занудой, любила развлекаться, но учеба всегда оставалась у нее на первом месте. Однако Антон сумел нарушить все ее планы. В них, в этих планах, не было ничего нового. Окончить институт, получить престижную работу и целеустремленно делать карьеру. Стремиться как можно больше зарабатывать – словом, добиться высокого положения. Танька, с которой встречались все реже, потихоньку над Машей посмеивалась – все, мол, у тебя расписано, по полочкам разложено.

И вот появился Антон и ужасно Маше понравился. Он и правда был хорош – белозубая улыбка и синие глаза. Но дело было даже не в этом. От него веяло таким обаянием, что сердце ее сначала замирало, а потом начинало трепыхаться, как птичка в силках.

Не прошло и месяца, как Антон предложил ей жить вместе. Маша сразу же согласилась, потому что ужасно не хотелось расставаться с ним по ночам.

Мама была против ее переезда.

– Это серьезный шаг, – говорила она дочери, – это обязывает тебя ко многому.

– Да ладно, мама, – отмахивалась Маша, – у плиты стоять я не собираюсь, а белье машина стирает.

– Ты прекрасно знаешь, что я говорю вовсе не об этом! – мама повысила голос. – В конце концов, быт можно организовать, это сейчас не проблема. Вот ты представь – ему надо тоже делать карьеру. А я знаю, что редкий мужчина сможет сделать это в одиночестве. Это надо быть очень целеустремленным, а таких мужчин мало, считай, что единицы. Что-то мне подсказывает, что твой Антон не из их числа.

Маша наклонила голову, потому что она о таких вещах и не задумывалась.

– Мужчину нужно вести, – продолжала мама хорошо поставленным голосом, – контролировать его, подталкивать, подбадривать, поддерживать советом. То есть всегда, в любое время суток, в отпуске ты или на работе, ты должна быть готова все бросить и лететь к нему, чтобы подбодрить, утешить, помочь советом и так далее – смотри выше. А ты этого не сможешь – не потому, что неспособна, а потому что у тебя просто не будет на это времени и душевных сил... почему?

Мама перевела дыхание, набрала полную грудь воздуха и продолжила:

– Потому что ты сама должна будешь все силы – и душевные, и физические – отдавать сложному делу построения собственной карьеры. Уж тебя в этом случае точно никто не поддержит, не подбодрит и не проконтролирует. Разве что я смогу помочь советом, только ты все равно советов моих слушать не станешь!

Редкий мужчина способен самостоятельно преодолеть все трудности и подводные камни, которые могут встретиться ему на работе, и никто не будет помогать в этом жене. Таких мужчин просто нету. Напротив, они всячески стараются карьере этой помешать, иногда неосознанно. Сама посуди, зачем ему жена, которая преуспевает? На ее фоне он всегда будет выглядеть неудачником. Вот поэтому они и твердят всегда, что место женщины – на кухне и главная ее цель – материнство. С домохозяйкой разговор короткий – не умеешь ничего делать, так сиди и молчи, слушайся мужа во всем. Так что, Маша, предупреждаю тебя: подумай хорошенько, прежде чем съезжаться.

Маша вполголоса пробормотала, что мама слишком серьезно все воспринимает, и сделала по-своему. Жить вместе с мамой они не захотели, сняли квартиру.

Первое время Маша была счастлива, сознавая, что Антон – сказочный, невероятный, обаятельный, любимый – вот он, рядом и никуда не денется в ближайшее время.

Далее выяснилось несколько неприятных вещей.

Во-первых, Антон все время хотел есть. Холодильник на съемной квартире был старенький, дверца его удивительно противно скрипела, открываясь. Первое время Маша нервно вздрагивала, слыша этот скрип. Причем весьма часто – и днем, и поздней ночью. В кафе, где

они обедали, Антон брал обязательно двойные порции и все равно часа через два уже алчно обследовал холодильник. Который, надо сказать, ничем его не радовал.

Сама Маша привыкла питаться правильно. За этим с самого детства следила мама. Поэтому она по привычке покупала диетические творожки, йогурты и бездрожжевые хлебцы, на которые Антон смотрел в полном изумлении. Один раз он сводил ее к своим родителям на обед. Мать оказалась довольно молодой, но полной женщиной, она встретила Машу приветливо и усадила за стол, который ломился от еды. Намечающаяся свекровь хорошо готовила, причем делала это не напоказ для гостей, а каждый день, для мужа и сына.

Надо сказать, что Антон, отъезжая у мамы, Машу ни в чем не упрекал, он вообще был довольно покладистый. Он покупал навынос пиццу в итальянских ресторанах и гамбургеры в «Макдоналдсе». Иногда заказывал суши или роллы в магазинчике на углу. После того как Маша увидела, в каких условиях готовят эти суши, ее трясло от запаха рыбы даже в супермаркете.

Все это Антон поедал в одиночестве у компьютера поздно ночью, так что, проснувшись, она находила на письменном столе промасленные пакеты и коробки от пиццы.

Вот это был второй его недостаток.

Антон был совершенно фантастически неряшлив. Он разбрасывал свои вещи по квартире, он мог оставить грязные носки в кухонной раковине, он запихивал грязную одежду на полку шкафа, где лежали выглаженные Машей блузки, он не мог самостоятельно заправить стиральную машину, он ни разу за всю их совместную жизнь не поставил уличную обувь аккуратно на галошницу.

Маша рано лишилась отца и росла одна, не было у нее ни брата, ни соседей, ни родственников, с которыми отдыхали вместе. То есть она с детства не видела, что представляет собой в быту подрастающий мальчишка, а потом мужчина. В ином случае она относилась бы к этому недостатку Антона спокойнее – все они одинаковые, не следует пытаться их переделать, надо принимать такими, какие есть.

Теперь она это понимает, а тогда ее буквально сводил с ума вид его грязных трусов, брошенных почему-то на кухне.

Но и это было не главное. Третий и самый важный недостаток заключался в том, что Антон оказался самым настоящим пофигистом. Он устроился на работу, причем выбрал фирму, что находилась поближе к их временному жилищу, честно отработывал на службе свои восемь часов и забывал о ней, выходя из офиса. Вечера он проводил с книжкой на диване, ночами смотрел фильмы по компьютеру. И ел.

Справедливости ради нужно сказать, что так было не всегда. Разумеется, они любили друг друга, он был ласков и нежен с Машей и даже пытался помогать ей по хозяйству.

Довольно часто они ходили куда-нибудь развлекаться. Но как выяснилось, развлечения они понимали по-разному. Антон общался с постоянным кругом друзей, они встречались в дешевых кафе, долго сидели там за общим столом, обсуждая книги и фильмы. Было шумно, накурено, и еда невкусная.

Через некоторое время Маша поймала себя на том, что ей скучно. И жаль тратить время на такие занятия. Фильмы, которые они обсуждали, Маша не смотрела, пару раз Антон предложил ей какую-то артхаусную муть, от которой мгновенно заболели зубы, так что в общих разговорах она не участвовала.

Нет, такие развлечения не по ней. Нет чтобы сводил в приличный ресторан или в ночной клуб, чтобы одеться самой и посмотреть, как люди прикинуты...

Были в компании Антона две-три девицы – все нечесанные и в драных джинсах, с такими о своем, о девичьем, и двух слов не скажешь, вылупятся, как коза на афишу, услышав про пилатес и мезотерапию.

Если уж не развлекаться, то дела переделать, в салон красоты сходить, на массаж, по магазинам. Антон стал встречаться с друзьями один, а Маша заглядывала к маме.

– Попомни мое слово, – говорила мама, выслушав отчет о жизни дочери, – так он и будет всю жизнь вечерами с книжкой лежать. А все остальное на тебе будет. Ребенка если заведете – тоже все на тебе. Денег больших заработать он не сумеет, сама говоришь, его работа не волнует. Всю жизнь так и будешь за ним грязь убирать и копейки считать, уж поверь. Он сам ничего не достигнет и тебе не даст.

Маша не соглашалась с мамой, говорила, что Антон хороший, добрый, что они любят друг друга, однако, приходя домой, заставляла квартиру в таком виде, что мамыны слова против воли лезли в уши и застревали где-то в мозгу.

На работе получалось не все гладко, ее плохо приняли, считали выскочкой, Маша решила искать новую работу. Не было никаких сил бороться с недостатками Антона, тошнило от запаха гамбургеров, желудок болел от острого томатного соуса, и однажды Маша устроила жуткий скандал и буквально выгнала Антона вон. Он не спорил, молча собрал вещи и уехал на такси к маме – лежать на диване с книжкой и питаться вкусной и калорийной пищей.

Опомнившись, Маша ждала неделю, что придет, встретит после работы, что позвонит, пришлет сообщение.

Ничего не было. Тогда она собрала свои вещи и уведомила квартирную хозяйку, что съезжает, как раз месяц кончился, за который было заплачено.

Мама встретила ее радостно, без упреков и нравоучений. Маша окунулась в работу, занялась собственной внешностью и с Антоном столкнулась случайно только через несколько месяцев на вокзале, когда встречала из Москвы представителя центрального отделения их фирмы. Антон был одет подчеркнуто просто – в штормовку и самовязанный свитер, сказал, что едет на съемки. Маша не успела спросить, на какие съемки, ее окликнули из подъехавшего поезда.

Московский представитель оказался желчным сердитым мужчиной, он буркнул вместо приветствия что-то непонятное и посмотрел хмуро. Так что Маша выбросила из головы все посторонние мысли и сосредоточилась на противном своем спутнике.

Больше она про Антона ничего не слышала долгие годы, у них не было общих друзей, а по прошествии пяти лет узнала, что он поменял профессию, окончил Высшие сценарные курсы в Москве, работал у известных режиссеров и даже снял один фильм. Очевидно, любовь к кино оказалась сильнее всего остального.

Критики приняли фильм благосклонно, но в большой прокат он, естественно, не пошел. Показали его на парочке фестивалей, и премии никакой он не получил. Все это Маша прочла в журнале, который случайно попался ей в руки на отдыхе. Была там и фотография Антона. Сильно загорелый, волосы плохо подстрижены, одет подчеркнуто просто... нет, если бы Маша познакомилась с ним сейчас, она бы не обратила на него внимания.

Так она подумала тогда, забросила журнал и пошла купаться. В то время был у нее легкий необременительный роман с одним типом из Москвы, они съездили вместе на море, а потом все как-то рассосалось.

Теперь, когда прошло столько лет, Маша знает, что Антон в своем деле преуспел, снял два фильма, которые обсуждались, один даже занял какое-то место на Венецианском фестивале. Была большая передача про молодых режиссеров, про Антона там тоже говорили. Что ж, у него все хорошо, семья, наверное, тоже есть.

Маша вздохнула не слишком тяжело, вся история с Антоном была так давно, у нее нет причин на него обижаться.

С этой мыслью она крепко заснула.

И вдруг проснулась, как от резкого толчка.

Точнее, от какого-то непривычного звука.

В первое мгновение Маша не могла понять, где она находится.

Незнакомая узкая комната, залитая призрачным лунным светом, неудобный диван...
Пружины, торчащие из этого дивана, разбудили ее память.

Маша вспомнила старую нелепую квартиру, в которую привела ее Татьяна, вспомнила кота...

Кота, кстати, больше не было у нее в ногах, он куда-то сбежал посреди ночи. Может быть, отправился на ночную охоту. Неужели не выловил еще всех мышей?

И вдруг Маша услышала громкий, отчетливый скрип, доносящийся из коридора.

Скрип разошедшихся половиц под чьими-то шагами.

Сам по себе негромкий, в сонной тишине ночной квартиры он показался Маше просто оглушительным.

Должно быть, именно этот звук и разбудил ее.

Несколько секунд она лежала, вжавшись в диван, и прислушивалась к непонятным звукам. Она надеялась, что этот скрип ей приснился, что он не повторится, что в квартире снова воцарится блаженная, ничем не нарушаемая тишина.

Она уже почти успокоилась, почти поверила, что странный звук ей приснился, – и тут половицы снова заскрипели.

Самое ужасное – этот звук становился все громче, таинственные шаги приближались к двери спальни...

Маша приподнялась на локтях и едва слышно проговорила:

– Кто... кто здесь?

Никто ей не ответил, и таинственный скрип прекратился.

Тишина, наступившая после загадочных звуков, показалась ей еще страшнее.

Маша нащарила на стене выключатель, включила свет. Зажглось старинное бронзовое бра, залив комнату уютным желтоватым светом. Этот свет придал Маше решимости. Она встала, нащарила тапочки, подошла к двери и распахнула ее.

В коридоре никого не было.

Маша шагнула вперед, вышла в коридор и огляделась.

В темноте квартира казалась гораздо больше, чем при свете, и гораздо таинственнее. В дальнем конце коридора ей померещилось какое-то неясное движение.

– Кто здесь? – повторила она окрепшим голосом.

Никто ей не ответил.

Маша решительно зашагала в ту сторону, где заметила движение. Она решила, что не отступит перед своим страхом, не сдастся, посмотрит ему в лицо...

Лицо!

Из темноты на нее действительно смотрело чье-то лицо – неясное, расплывчатое, туманное, полускрытое колеблющимися бликами лунного света. Маша шла навстречу этому лицу, приближалась к нему. Их разделяло всего несколько шагов.

И тут она увидела на стене темное пятно выключателя, нажала кнопку...

И рассмеялась деланым, натужным смехом.

Лицо, которое так напугало ее в темноте, было ее собственным. Отражением в старом, мутном и пыльном зеркале, вставленном в дверцу громоздкого платяного шкафа.

Тут из темноты беззвучно выплыл кот. Он потерся о Машины ноги, заглянул ей в глаза, негромко заурчал. Ей сразу стало не так страшно, не так одиноко. Маша облегченно вздохнула, поправила волосы, выключила свет в коридоре...

И проснулась.

На этот раз в комнату через маленькое окошко просачивался дневной свет. Маша лежала на продавленном диване, в ногах у нее безмятежно спал кот.

Маша растерянно уставилась в потолок.

Выходит, ночное приключение ей просто приснилось? Но она так ясно, так четко помнила каждую деталь!

Кот почувствовал, что она проснулась, и тоже открыл глаза. Он потянулся, по очереди вытягивая лапы, широко зевнул и мягко спрыгнул на пол.

– Хотя бы ты мне сказал, что это было! – проговорила Маша и тоже поднялась.

Все тело болело от неудобного дивана.

Нет, хоть с деньгами и плохо, но непременно нужно купить что-нибудь более подходящее... Если, конечно, она решит здесь остаться. Но есть ли у нее выбор?

Как ни странно, душ в этой квартире работал хорошо, напор был сильный, в ванной вообще было все в порядке, только плитку положить на пол и на стены.

Постояв полчаса под сильными горячими струями, Маша пришла в себя. Ночные страхи забылись, и она снова радовалась тому, что теперь есть у нее собственный угол, где ее никто не потревожит. Выходя из ванной, она услышала, как заливается ее мобильник, оставленный в прихожей. Номер был незнакомый.

– Слушаю, Русакова! – по привычке сказала она в трубку.

– Ты-ы... – шипел знакомый голос, и она с содроганием узнала Рустама, – ты, сука...

Ох, она же занесла его номер в черный список, чтобы не общаться, чтобы вообще больше не слышать его голос, так он догадался, позвонил с чужого телефона!

– Что тебе надо? – она хотела сказать это холодно и твердо, но получилось тихо и неуверенно. И этот мерзавец услышал ее страх и понял, что по-прежнему имеет над ней власть.

– Ты! – он запустил замысловатое ругательство. – Ты еще меня узнаешь!

– Какого черта? – Машу захлестнула злость. – Какого черта тебе еще надо? Ты получил что хотел, так отвали от меня, видеть тебя больше не желаю, сволочь, чтоб тебя машиной переехало, на кусочки разорвало и по воздуху разнесло! Ненавижу тебя, уголовник мелкий, только и умеешь, что женщин бить!

– Вообще убью! – прохрипел он и отключился.

Она сама удивилась, до чего ей оказались безразличны его слова. Убьет он, как же... Зачем ему неприятности, ведь могут и посадить. Танька его здорово пугнула, а Юраша добавил, вот он и бесится, что она, Маша, увидела, как его унизили и напугали.

Она выпила чаю, собралась быстро и вышла из квартиры, тщательно заперев дверь.

Правда, по пути на работу у нее произошла неожиданная и малоприятная встреча.

Спустившись по лестнице и выйдя во двор, Маша буквально нос к носу столкнулась с грузной неопрятной старухой, которая трясушейся рукой перебирала ключи, чтобы войти в подъезд.

– Заходите, бабушка, – проговорила Маша, придерживая для нее железную дверь.

Однако, вместо того чтобы зайти в подъезд, та с неожиданной силой вцепилась в Машину руку и прошамкала:

– Это ты, значит, в Ксениной квартире теперь живешь?

– Ну да, – растерянно ответила Маша, припомнив, что покойную обительницу ее квартиры действительно звали Ксенией – то ли Павловной, то ли Петровной, и попыталась вырвать руку.

Старуха, однако, держала ее железной хваткой.

– Смотри! – проговорила она и погрозила скрюченным артритом пальцем. – Берегись, не трогай там ничего!

– Вот интересно, – фыркнула Маша. – Чего это я не должна трогать? Это теперь моя квартира... и вообще, отпустите мою руку! Отпустите! Что вам от меня нужно?

– Это Ксенина квартира! – возразила старуха и еще крепче сжала Машину руку. – Ксения еще вернется, так что смотри, чтобы все оставалось как при ней!

– Да отпустите же наконец! – вскрикнула Маша, вырывая руку.

Тут из подъезда выглянула девчонка лет тринадцати. Окинув сцену внимательным взглядом, она строго прикрикнула на старуху:

– Баба Люся, ты где это шляешься? А ну, быстро домой! Мама рассердится!

– Иду, иду! – Старуха неохотно выпустила Машину руку и юркнула в подъезд.

– Вы с ней поостороже, она по-другому не понимает! – Девчонка покровительственно взглянула на Машу и тоже скрылась за железной дверью.

На работе на нее навалились обычные неотложные дела, и день пролетел незаметно. Маша даже удивилась, когда сослуживцы засобирались домой.

В обеденный перерыв позвонила Танька, сказала, чтобы аванс Маша перевела сегодня же, так надежнее. Маша позвонила в фирму, где ремонтировали ее машину. Там сказали, что ремонт будет стоить еще дороже, чем они предполагали, так что лучше Маше вообще машину продать. Но это – дело небыстрое. Маша сбегала в банк, благо он находился через дорогу, и выяснила, что если снять все деньги со счета, то как раз и получится сумма аванса. Но тогда у нее не будет никаких запасов, и если, не дай бог, она потеряет работу, то просто умрет с голоду. Ладно, пока еще работа у нее есть. В крайнем случае можно заложить кое-какие драгоценности.

Вспомнив про пропавшее кольцо с бриллиантом, Маша сжала зубы и дала распоряжение перевести деньги на счет, указанный Татьяной. Дело сделано, назад ходу нет.

По дороге она зашла в магазин – купить кое-какие предметы первой необходимости, а также какой-нибудь еды. Проходя мимо стоек с кормом для животных, вспомнила про кота и бросила в корзинку пару банок с нарисованным на них черным котом. Нарисованный на этикетке кот был, конечно, чрезвычайно пушист, красив и откормлен, однако ее кот выглядел авантажнее.

Калитка в воротах была распахнута. Маша вошла во двор, поднялась по лестнице, открыла дверь квартиры...

И замерла на пороге.

В квартире кто-то был.

Из кухни доносились шаги, вот скрипнула дверца шкафчика, потом кто-то переставил стул.

Маша вспомнила свой сон – или это был вовсе не сон? – и руки ее похолодели от страха.

Первой ее мыслью было – тихонько выйти из квартиры, закрыть дверь и сбежать, сбежать куда глаза глядят!

Но тут же она отбросила эту паническую мысль.

Бежать ей было совершенно некуда.

Разве что к Татьяне – но у той полон дом народу, да еще свекровь из деревни приехала, только ее, Маши, там и не хватало!

Вызвать полицию?

Нет уж, благодарю покорно!

Она вспомнила наглые масляные глазки дружка Рустама, как его... капитана Семушкина, и перекосилась. Нет, только не это!

Тогда она собрала волю в кулак, закрыла за собой дверь и решительно зашагала на кухню, прихватив по дороге валявшийся на полу старый металлический рожок для обуви.

Она не кисейная барышня, она привыкла сама разбираться со своими проблемами. Кто бы ни пробрался в ее квартиру, вряд ли он страшнее Рустама и его друзей.

При свете дня квартира не казалась такой мрачной и таинственной, как ночью. Маша вошла на кухню и увидела в углу согнутую мужскую спину. Долго не раздумывая, она шагнула вперед и ударила злоумышленника рожком.

В этот самый момент незнакомец выпрямился и повернулся к ней, поэтому удар не попал в цель. Рожок скользнул по плечу мужчины, не причинив тому никакого вреда. Зато сама Маша

потеряла равновесие и с трудом удержалась на ногах, выронив свое орудие и вцепившись в спинку стула.

Теперь она смогла разглядеть пробравшегося к ней в квартиру злоумышленника – и едва сдержала возглас удивления.

Это был высокий пожилой мужчина на редкость приличного вида. Аккуратно подстриженные седые волосы, благообразное лицо в глубоких морщинах, вязаная домашняя куртка. Он был похож не на вора-домушника, а на профессора или дирижера на пенсии.

Бледно-голубые глаза смотрели растерянно и беспомощно, поскольку удар Машиного рожка все же причинил незнакомцу определенный урон – сбил с него очки.

Мужчина наклонился, поднял очки в тонкой позолоченной оправе, водрузил их на нос. Лицо его моментально изменилось – от детской растерянности не осталось и следа, оно стало уверенным, твердым и решительным.

– Вы кто?! – проговорил он красивым глубоким голосом. – Что вы здесь делаете?

От такой наглости Маша растерялась и удивленно уставилась на самоуверенного взломщика. По-своему расценив ее молчание, он сдвинул брови и прогремел:

– Я сейчас же вызываю полицию!

Маша наконец преодолела ступор и сердито ответила:

– Вот это здорово! Сам вломился в мою квартиру, и сам же хочет вызвать полицию? Нет уж, это я вызываю полицию! Причем немедленно! – Маша блефовала, вызывать полицию ей совсем не хотелось, от прежних встреч с органами правопорядка у нее остались не самые приятные воспоминания, кроме того, до нее дошло, что у нее пока нет никаких прав на эту квартиру, но блефовать нужно с уверенным видом, поэтому она достала мобильный телефон и сделала вид, что набирает номер.

Если она надеялась, что такие действия напугают грабителя и он убежит из квартиры, – ее надежда не оправдалась. Незнакомец ничуть не испугался. Он внимательно взглянул на Машу, наклонив голову к плечу, и вдруг расхохотался:

– *Ваша* квартира? Так вы теперь здесь живете? Ну, надо же! А я-то подумал...

– Да, я теперь здесь живу! – сухо ответила Маша. – И не вижу в этом совершенно ничего смешного! Я купила эту квартиру и... и теперь буду здесь жить!

Проговорив эту гневную тираду, она внезапно осознала, что на самом деле у нее нет пока никаких прав на эту жилплощадь, не больше, чем у этого взломщика – не говоря уже о том, что она здесь не прописана, даже покупка квартиры пока не оформлена, так что если сюда явится полиция – задержать могут их обоих. И еще неизвестно, у кого из них будет больше проблем.

Впрочем, взломщик, кажется, не был настроен на конфликт. Он улыбнулся и протянул Маше руку:

– В таком случае давайте знакомиться. Юрий Филиппович Нелидов, ваш сосед.

– Сосед? – растерянно переспросила Маша. – Как, разве это коммунальная квартира?

Маша пришла в ужас: она решила, что, в силу вечного невезения, ее вселили в коммуналку.

– Нет, что вы! – заверил ее мужчина. – Я живу в четырнадцатой квартире, это рядом.

– А тогда, – глаза Маши подозрительно заблестели, и она снова потянулась за рожком, – тогда как вы оказались в моей квартире? И что вы здесь делали?

– Не бейте меня этим рожком! – мужчина шутливо поднял руки. – Это очень больно. Я сдаюсь, сдаюсь и делаю чистосердечное признание. Я хожу сюда кормить Тунгуса.

– Кого? – Маша удивленно заморгала.

– Вот его, – мужчина показал на кота, который сидел возле его ног с загадочным видом восточного идола. – Не мог же я допустить, чтобы такой чудесный кот умер с голоду!

– Вот как? – протянула Маша. – А я-то еще удивлялась, почему у него такой сытый и ухоженный вид! Думала, что он сам добывает пропитание – охотится на мышей!

– На мышей? – Мужчина покосился на кота: – Тунгус, признавайся – здесь есть мыши? Кот поднял на него свой загадочный восточный взгляд и громко чихнул.

– Пойдите! – спохватилась Маша. – А как вы сюда попали? Откуда у вас ключи?

– Мне дала их Ксения Павловна. На всякий случай, но в основном для того, чтобы с Тунгусом ничего не случилось. Но теперь, раз вы здесь живете, я отдам эти ключи вам, – и он протянул Маше связку. – Извините, должно быть, я напугал вас...

– Это вы меня извините... – неуверенно пробормотала Маша и покосилась на свой рожок.

– Да нет, что вы, я понимаю, как вы удивились, увидев в своей квартире незнакомого человека.

– Да уж, удивилась – это мягко сказано... а может быть, вы хотите чаю? – вдруг вырвалось у Маши.

Она тут же пожалела о своем предложении, ей вовсе не хотелось пить чай с этим совершенно незнакомым человеком, но слово – не воробей, вылетело – не поймаешь.

– Чаю? – Мужчина переглянулся с котом, как будто ждал от него совета. – А что, пожалуй, можно и чаю. Чтобы, так сказать, снять стресс от нашей неожиданной встречи.

Маша поставила чайник, разложила на столе свои покупки – сыр, масло, хлеб, ветчину в нарезке, поставила две большие кружки с логотипом своей фирмы. Тут под руку ей весьма кстати попала банка кошачьего корма, она открыла ее, выложила приличную порцию на блюдечко и позвала кота:

– Гуся, Гуся, Гуся...

Кот посмотрел на нее высокомерно и не двинулся с места.

– Он – кот солидный, не любит фамильярности и отзывается только на полное имя, – сообщил мужчина. – И вообще, я его уже покормил. Но от добавки, я думаю, он не откажется, как всякий уважающий себя кот, и вообще, вам нужно налаживать отношения... Тунгус, Тунгус, прошу к столу!

Кот распушил усы и неторопливо подошел к блюду. Он брезгливо обнюхал корм, громко фыркнул и всем своим видом показал, что если и съест самый маленький кусочек, то исключительно из уважения к новой хозяйке.

– Вам нелегко будет добиться его расположения, – предупредил Машу сосед. – Он очень строг и нелюдим. Я с ним две или три недели налаживал контакт.

Маша не стала его разочаровывать, не сказала, что минувшую ночь Тунгус провел в ее кровати. И вовсе не понадобилось ей перед ним заискивать, кот сам явился к ней под бочок, без всяких уговоров. Извелся, видно, от одиночества совсем.

– Кстати, об имени, – проговорил мужчина. – Я не расслышал – как вас зовут?

– А я еще и не говорила. Вообще-то меня зовут Маша. А вот я действительно не то чтобы не расслышала, как вас зовут, но от испуга не запомнила...

– Юрий Филиппович Нелидов, – заново представился мужчина.

– Очень приятно... – пробормотала Маша, разливая чай. – Вот что я хотела спросить... ничего, что чай в пакетиках?

– Ничего страшного, – благосклонно кивнул сосед. – Я понимаю, что вы еще не обжились, не обзавелись хозяйством. Но вы ведь не это хотели спросить?

– Да, не это, конечно... вообще-то я хотела спросить, почему вы ходили сюда, а не взяли Тунгуса к себе? Ведь он вам, кажется, нравится, да и вы ему тоже.

– Это так, – кивнул Юрий Филиппович. – У нас с Тунгусом действительно сложились хорошие отношения. Но взять его к себе я никак не могу: Офелия против!

– Офелия? – удивленно переспросила Маша. – Это ваша жена?

– Нет, что вы! – кажется, такое предположение напугало соседа. – Офелия – моя собака! Замечательный палевый лабрадор, да вот кошек, к сожалению, не выносит.

– Офелия? – повторила Маша. – Странное имя для собаки! Офелия... она ведь утонула!

– Ну, это точно не про нас! – улыбнулся Юрий Филиппович. – Моя Офелия отлично плавает и обожает воду!

Он продолжал что-то говорить, но Маша его не слушала. Она увидела происходящее как бы со стороны. Вот она сидит и пьет чай с незнакомым человеком – а кто его знает, что у него на уме. Кто его знает, зачем на самом деле он пришел в эту квартиру...

«Но это уже паранойя, – попыталась Маша успокоить себя. – Видно же, что мой сосед – приличный, интеллигентный мужчина...»

Видно? Но ведь и Рустам поначалу произвел на нее самое благоприятное впечатление...

Но Рустам – это совсем другое дело, Рустам взял ее другими своими качествами...

Да, вспомнила вдруг Маша, а кто же приходил сюда минувшей ночью? Не этот ли милый пожилой человек? По крайней мере, у него были для этого все возможности, ведь у него есть – точнее, были – ключи от квартиры...

Нет, это точно паранойя... так недолго и до психушки... вообще, неизвестно, был ли здесь на самом деле кто-то ночью, скорее всего это ей просто приснилось...

Юрий Филиппович удивленно взглянул на Машу:

– Вы меня не слушаете? Простите, я вас заболтал, а вы ведь наверняка устали. Что ж, я, пожалуй, пойду...

– Что? – смущенно переспросила Маша. – Ой, извините, наверное, вы правы, что-то я сегодня устала... – Она изобразила зевок и виновато улыбнулась.

Сосед церемонно поблагодарил ее за чай и удалился.

– Если что вам будет нужно, – сказал он на пороге, – обращайтесь, Машенька, в любое время, не стесняйтесь. Мы с покойной Ксенией Павловной дружили, так сказать, домами, знакомы были много лет. Я живу один, так что вы никого не побеспокоите...

– Непременно... – пробормотала Маша и улыбнулась приветливо, но отстраненно.

Она не знала, что разучилась за последнее время так улыбаться. Так улыбаются уверенные в себе красивые молодые женщины, куда уж теперь Маше с ее страхами и неврозами. У нее улыбка получилась неуверенная, почти жалкая. Сосед бросил на нее внимательный, но незаметный взгляд из-под очков и ушел наконец.

Маша убрала со стола и хотела прибрать в квартире, но в это время в дверь позвонили.

Маша подумала, что вернулся Юрий Филиппович – что-нибудь забыл или вспомнил что-то важное... А скорее всего скучно старичку, вот и будет таскаться сюда теперь, как на работу. Ишь, приглашал – заходите, я один живу! Надо больно.

Она открыла дверь, заранее натянув на лицо вежливую, но немного усталую улыбку...

Однако на пороге квартиры она увидела не Юрия Филипповича. Перед дверью стояла странная парочка – рослая женщина с обесцвеченными волосами и лошадиной физиономией и тощий лысый мужичок с маленькими бегающими глазками.

– Здравсте, – растерянно проговорила Маша, разглядывая незваных гостей. – Вы кто?

– Заходи, Васенька, – проговорила тетка и решительно втолкнула своего спутника в прихожую. – Погляди тут как следует, чтобы не вышло, как прошлый раз!

– Что значит – погляди? – возмутилась Маша, пытаясь вытолкнуть мужчину прочь. – Кто вы такие? Чего вам вообще нужно? С какой стати я должна вас пускать?

Тетка, однако, подпирала мужичка с другой стороны. То, чем они с Машей занимались, напоминало интеллектуальное развлечение советских времен – перетягивание каната, или, точнее, переталкивание бревна. Женщины, сосредоточенно пыхтя, с двух сторон пихали единственного представителя сильного пола, который вел себя именно как бревно – тупо молчал, никому не подыгрывая и никак не показывая своих собственных намерений.

Наконец лошадиная тетка, явно находящаяся в другой весовой категории, победила и вытолкнула бессловесного мужичка на середину прихожей. Победно взглянув на Машу, она повернулась к спутнику и строго проговорила:

– Ну, ты меня понял? Все осмотри, все проверь, чтобы досконально! Чтобы не как прошлый раз!

Мужичок послушно закивал и степенно удалился в правый рукав коридора. Женщина же развернулась всем корпусом к Маше, уперла руки в бока и процедила:

– А с тобой мы еще разберемся! Ты что себе позволяешь? Чтобы в квартиру не впускать – такого отродясь не было! Я с твоим начальством поговорю, расскажу, как ты клиентов встречаешь! Это же надо – наглость какая!

У Маши было такое чувство, будто она сходит с ума.

Впрочем, наверное, так и есть – только сумасшедшая открывает дверь кому попало!

– Да кто вы, наконец, такие? – воскликнула она в отчаянии. – Вломились в мою квартиру и хозяйничаете тут, как у себя дома! Это ни в какие ворота...

Она хотела уже сказать, что вызовет полицию – но осознала, что это уже было, что совсем недавно, меньше часа назад, она так же грозила полицией Юрию Филипповичу. Это действительно похоже на самое настоящее безумие.

Тут из коридора донесся приглушенный голос мужчины:

– Васенька, тут у них трубы ни к черту не годятся! Всю систему менять нужно!

– Вот так вот! – воскликнула женщина злорадно. – Еще и трубы ни к черту! Ну, давай, Васенька, проверь все как следует! Ты ведь в этом хорошо разбираешься!

«Маразм крепчает, – думала Маша отстраненно. – У них еще и одно имя на двоих... они оба называют друг друга «Васенька»...»

Словно для того, чтобы уверить ее в этом выводе, из коридора снова донесся мужской голос:

– И унитаз, Васенька, у них протекает!

Маша все же попыталась снова овладеть ситуацией.

– А ну, убирайтесь прочь из моей квартиры! – воскликнула она и, сжав кулаки, двинулась на бессовестную тетку. – Немедленно убирайтесь прочь, или...

Она не знала, чем закончить угрожающую тираду, потому что ничего не могла противопоставить наглой уверенности вломившихся в ее квартиру людей.

– Наглая какая! – вскрикнула в ответ тетя Лошадь. – Мы в своем праве! Мы пришли квартиру осмотреть, но раз к нам такое отношение, так мы ее ни за что не купим! А насчет труб и унитаза – это уж Васенька хорошо понимает, он ведь у меня дипломированный сантехник! У него и документ имеется!

Внезапно Маша почувствовала, что в безумии происходящего появилась какая-то логика. Эти двое пришли из агентства недвижимости, чтобы осмотреть квартиру... ну, Татьяна, подставила подругу! Она же клялась, что никому, кроме нее, не показывала эту квартиру и не собиралась показывать...

– Эта квартира не продается! – проговорила Маша решительно. – Она уже продана!

– Что значит – продана? Что значит – не продается? – заверещала тетка высоким истеричным голосом. – Мы в своем праве и никуда отсюда не уйдем, пока все не осмотрим! Васенька, гляди там как следует! Хоть до утра будем смотреть!

Маша снова почувствовала себя беспомощной, как бывает во сне, когда ты пытаешься идти или даже бежать, допустим, хочешь успеть на поезд или на отплывающий корабль – но воздух вдруг становится плотным, вязким и тяжелым, как густой клей, и ты не можешь пошевелить ни рукой, ни ногой...

Она растерянно огляделась по сторонам, словно ждала, что сама квартира поможет ей избавиться от наглого вторжения.

И ее безмолвный зов был услышан.

В прихожей появился Тунгус.

Кот вышел на середину помещения, выгнул спину верблюдом, распушил усы и даже сам стал еще пушистее, чем обычно. Маша посмотрела на него с насмешливой благодарностью – надо же, храбрый кот решил прийти на помощь своей новой хозяйке! Это, конечно, очень мило, но что он может? Вот если бы это был не кот, а собака, причем желательной большой, охранной или бойцовой породы... Хотя бы сосед появился со своей Офелией...

Но тут Маша почувствовала неожиданную перемену в наглой самоуверенной тетке.

Та попятилась, испуганно выпучила глаза и громко чихнула. Затем вытащила из кармана носовой платок и шумно высморкалась. Глаза ее покраснели и начали слезиться, нос на глазах распух...

– Убери... убери его! – гнусаво проговорила она, указывая пальцем на кота.

– И не подумаю! – насмешливо ответила Маша. – Сама убирайся вон из моей квартиры!

Тунгус, явно довольный произведенным эффектом, сделал еще несколько шагов вперед. Его восточные глаза пылали дьявольским огнем, наэлектризованная шерсть трещала, как воздух перед грозой. Маша не сомневалась, что, если погасить свет в прихожей, можно будет увидеть, как она светится.

– Вася! Васенька! – жалобно воззвала тетка к своему дипломированному спутнику гнусавым простуженным голосом. – Васенька, мы уходим!

Из коридора высунулась лысая голова.

– Но, Васенька, – проговорил мужчина, неприязненно покосившись на Машу. – Васенька, я еще ничего не нашел! Мне нужно еще время! Ты же знаешь, что мы не можем...

– Ты видишь, что со мной?! – жалобно прогнусавила тетка. – Ты хочешь, чтобы я умерла?

– Все, Васенька, все! Сейчас же уходим! – Мужичок вернулся в прихожую, подхватил свою спутницу под руку и поспешно вытащил ее из квартиры.

Несмотря на серьезность положения, Маша заметила, как комично это выглядело – мужчина тащил за собой спутницу, словно маленький портовый буксир огромную баржу.

Маша мгновенно захлопнула за незваными гостями дверь, заперла ее на все замки и перевела дух.

Из-за двери донеслось оглушительное чихание.

Маша повернулась к коту.

– Спасибо тебе, Тунгус! – проговорила она с глубоким чувством. – Ты меня спас! Ты – настоящий друг!

Тунгус уселся на полу в самой непринужденной позе и принялся умываться.

А Маша дрожащими руками нажимала кнопки мобильного телефона. Танька не отвечала долго-долго, наконец на том конце послышался грубый голос:

– Кого надо?

– Татьяну Борисовну... – растерянно ответила Маша.

– Нету такой! – отрубил тетка. – Нету, и все!

– А вы почему по ее телефону отвечаете? – Маша забеспокоилась, неужели с Танькой что-то случилось? В аварию попала? В больнице лежит в тяжелом состоянии? Может, просто мобильник украли? – Вы вообще кто?

– Я кто? – удивилась тетка. – Свекровь ейная, с деревни приехала погостить. Сына-то с внучкой уже повидала, а невестка только к ночи приходит.

Тут только Маша сообразила, что в волнении набрала Танькин домашний номер. Нет, ну это же надо!

– Уж извините, – сказала она примирительно, – извините, что побеспокоила.

– Да ладно... – тетка малость оттаяла, – сижу одна как перст, все-таки с кем-то словом перекинулась, все не так скучно... И ты уж меня извини, сразу не сообразила я, что Танька – Татьяна Борисовна, знать не знала, что у нее такое отчество имеется...

Мобильный Танька тоже не брала долго, наконец послышался ее бодрый голос:

– Ремешкова слушает!

«Опять не туда попала», – с досадой подумала Маша, но тут сообразила, что Ремешкова – это же Танькина фамилия по мужу. Господи, подруга замужем уж лет восемь, а она все никак не привыкнет! Да что с ней такое, в самом деле!

– Танька, ты что это устраиваешь? – Маша потихоньку набирала обороты. – Ты же сказала, что эта квартира считай что моя, я ведь аванс уже заплатила, а ты еще кому-то ее показываешь!

– Спокойно, Русакова! – Танька сориентировалась быстро. – Что у тебя стряслось на этот раз?

– Это не у меня, а у тебя, – буркнула Маша. – Ты зачем эту парочку ненормальных прислала?

– Подробнее! – строго сказала Татьяна. – Какую еще парочку? Не трать время, у меня его мало.

Маша рассердилась. У Таньки, видите ли, времени мало, а у нее, значит, много? На нее такое свалилось, только на подругу и была вся надежда, и вот оказывается, что в квартиру теперь будут шлаться другие покупатели!

– Русакова, не спи, замерзнешь! – сказала Танька в трубку. – Излагай четко!

Маша изложила – с ненужными подробностями, возмущаясь и уходя в сторону.

– Так... – сказала Танька, – значит, заявляю тебе совершенно официально и ответственно, что никого в эту квартиру не посылала. Если честно, то желающих просто не находилось. Как услышат про район, да в старом доме, да без ремонта...

Она сделала паузу и продолжила:

– И вообще, времени мало было, этот мужик, что квартиру продает, в другом городе живет, он бабульку похоронил, кое-как в квартире прибрался, да и уехал скорее – на работу ведь надо. Оттого и цену удалось снизить. И я совершенно точно знаю, что больше ни к какому риелтору он не обращался, у нас так не принято, договор заключаем, все по правилам, по закону.

– По-твоему, я вру? – обиделась Маша.

– Нечего в квартиру разных-всяких пускать! – сказала Танька. – Вот зачем ты дверь им открыла?

– Я думала – сосед вернулся...

– Какой еще сосед? – встрепенулась Танька. – Русакова, ты что – совсем с катушек слетела? Не успела с одним развязаться – уже сосед какой-то завелся?

– Да ему сто лет в обед... – против воли в Машинном голосе прозвучали оправдывающиеся нотки.

Ей было ужасно стыдно за свои страхи, за то, какой дурой выставляется она перед Танькой, за то, что не смогла противостоять этой колоритной парочке. Нет, нужно срочно брать себя в руки, а то все это плохо кончится!

– Как там дела? – спросила она, сменив тему. – Рустам согласился на ту квартиру?

– Ну, Юраша кого хочешь убедит, – рассмеялась Татьяна и добавила серьезно: – Имей в виду, Русакова, если передумаешь – ко мне больше не обращайся! Урода твоего мы нейтрализовали, на твою квартиру покупатели уже нашлись.

– Да что ты? Так быстро?

– Ой, тут такой случай... Клиенты эти, приличная такая пара лет за сорок, покупают квартиру для дочери. У них, понимаешь, дочка вдруг залетела от своего приятеля, ну, люди приличные, так что надо свадьбу играть. А парень типичный айтишник, волосы длинные, весь в пирсинге, дома все время сидит за компьютером, отвлекается только поесть и пива выпить.

Как глянули родители на этакое чучело – мать чуть в обморок не упала. Отец покрепче оказался, мужчина все-таки, хотя и с высшим образованием. Но сказал твердо, что с этим

типом в одной квартире жить не будет, хоть режь его на части. Это же, говорит, ночью его увидишь – инфаркт можно получить от страха. А парень этот, жених-то, как раз ночью на своем компьютере работает и все время ест, так что только и шляется по квартире – то на кухню, то в туалет.

Ну, кинулись они к нам. Квартира твоя им и заочно понравилась – недалеко от того места, где сами живут, дом новый и все такое... А как увидел папаша, что и с ремонтом заводится не надо, и мебель почти вся встроенная, так что хоть завтра переезжать можно, так и говорит: берем немедленно! Им скорее нужно все оформить, пока дочь замуж не вышла, чтобы ее только квартира считалась, а не совместно приобретенной собственностью.

– Понимаю... – протянула Маша, ей до слез жалко было свою чудесную квартиру.

– Вот я тебя предупреждаю, что если ты задний ход дашь – ко мне не обращайся!

– Да с чего ты взяла, что я передумаю? – возмутилась Маша, но тон получился грустный.

– А с того, что тянешь так жалобно «Руста-ам...», – передразнила Танька.

Неужели у Маши такой же блеющий голос?

– Я не передумаю, – сухо сказала она, – оформляя документы как можно быстрее. И ему скажи, чтобы съезжал из квартиры, мне кое-что забрать нужно.

– Как только, так сразу! – весело сказала Танька. – Не куксись, Машка, прорвемся! Как бумаги готовы будут, я позвоню! К нотариусу Юрашу с собой возьмем, на всякий пожарный!

Повесив трубку, Маша задумалась.

Если Танька не присылала эту парочку – то кто они такие, откуда взялись и что им было нужно?

Задним числом вспоминая их визит, Маша видела в нем все больше неправильностей и нестыковок. Самое главное – в ее памяти всплыла фраза, которую произнес мужичок, когда его спутница расчихалась и решила уходить.

«Я еще ничего не нашел! Мне нужно еще время! Ты же знаешь, что мы не можем...»

Спрашивается, что он имел в виду? Чего еще не нашел? На что ему нужно время?

Все это выглядело загадочно и подозрительно.

Маша не могла ответить ни на один из этих вопросов – но чувствовала, что за всем этим кроется какая-то опасность.

В это время Тунгус снова вышел в прихожую и принялся тереться о ее ноги.

– Ты, наверное, есть хочешь? – спросила Маша.

Кот утвердительно мяукнул и очень выразительно заглянул в глаза своей новой хозяйки.

После того как он спас ее от странных гостей, Маша на все была готова для Тунгуса. Она достала банку кошачьего корма, выложила его на блюдечко и поставила на пол. Кот с урчанием принялся за еду, как будто его не кормили несколько дней, хотя Маша буквально полчаса назад положила в его миску солидную порцию корма.

Оставив кота на кухне, она ушла в глубь квартиры.

На полу остались грязные следы от ботинок ее визитера Васеньки. Следы были на удивление маленькими, как у ребенка. Но что это? Васенька кричал что-то насчет труб и протекающего унитаза, а следы вели вовсе не к туалету и не к ванной. И вообще, не знает Маша, как насчет труб, а с унитазом было все в полном порядке, вообще вся сантехника была относительно новой, в ванне только плитку положить. А этот насчет труб заливал тут. Есть, конечно, такие люди, им бы только квартиру охаять, Танька рассказывала, некоторые вообще ничего покупать не собираются, просто так ходят, для развлечения. Ну, у риелторов глаз наметанный, они таких сразу отсекают.

Но эти-то, как выяснилось, пришли не из агентства. Так кто же они? Воры?

Маша метнулась в спальню, где на диване валялась ее сумка.

Нет, все вроде бы на месте – кошелек, документы, ключи, банковская карточка, рядом часы лежат золотые... Ничего не взяли, зачем тогда приходили?

Следы Васеньки вели к старому платяному шкафу, и дверца была открыта.

Маша заглянула внутрь, ожидая найти там склад старой обуви, тучу моли, а возможно, и скелет, до того шкаф был мрачный. Но ничего этого не было. Пустые полки, прикрытые старыми газетами, а в другом отделении тоже пусто, только валялся один старушечий ботинок на ортопедической подошве.

Да уж, в этом шкафу брать было явно нечего, так что же они там искали?

Маша задумалась, и тут из кухни послышался жуткий грохот.

– Тунгус! – правильно определила Маша причину этого грохота и понеслась на кухню.

Кот сидел на столе и делал вид, что все происходящее его совершенно не касается. Холодный шкаф был раскрыт, и валялись на полу какие-то банки и кастрюли.

– Ну зачем ты туда полез? – простонала Маша. – Ну что ты там потерял?

Одна банка разбилась, и на полу расплывалась неопишемого цвета лужа, противно пахнущая чесноком, как видно, хозяйка квартиры хранила в шкафу домашние консервы. Маша машинально отметила, что лужа напоминает собой географическую карту Африки, и пошла в ванную за тряпкой.

– Только попробуй вымазать лапы в этой гадости! – сказала она, не оборачиваясь.

«Надо больно!» – мяукнул кот со стола.

Маша так устала, оттирая пол, и вообще, сегодня был такой суматошный день, что даже продавленный диван с торчащими пружинами показался ей королевским ложем, усыпанным цветами. Маша устало вытянулась на нем, стараясь не двигаться, чтобы не слышать скрипа пружин, и закрыла глаза.

Но сон никак не шел. Возможно, потому, что кот, отчего-то обидевшись на Машу, не пришел к ней спать, а расположился где-то еще, в укромном месте. Или потому, что Машу беспокоили мысли. Не сиюминутные заботы – где достать денег, как продать машину, что нужно сделать в квартире в первую очередь, – нет, Маша пыталась найти ответ на глобальный вопрос.

Как получилось, что она, умная, образованная, целеустремленная женщина, запрограммированная изначально на успех и удачу, как же она дошла до нынешней своей жизни – ни денег, ни жилья приличного, ни семьи, ни любимого человека? Вообще ни одной родной души рядом, не считая кота, да и тот демонстрирует ей свое охлаждение.

Вот интересно, сам нахулиганил и сам же на нее обиделся...

Тогда, после того как они расстались с Антоном, Маша полностью окунулась в карьеру. Она очень удачно меняла работу, окончила курсы, занялась языком. Она научилась общаться с людьми так, чтобы не задеть никого и не выглядеть выскочкой.

А потом пришел к ним новый директор.

Первое время не возникало у Маши по отношению к нему никаких особенных мыслей. Был он прилично старше, под сорок лет, и сразу же поставил себя строго. Не хамил, не покрывал на подчиненных, просто спокойным голосом требовал работы. К сотрудникам относился ровно, только по прошествии недели уволил секретаршу. Коллектив его решение молчаливо одобрил, поскольку девица была противная, прежний директор ее здорово распустил.

Маша тоже взяла с директором строгий деловой тон, судя по всему, его это вполне устраивало. Он пока приглядывался к сотрудникам. Маша тогда и вправду увлечена была работой, хотелось доказать себе и другим, что она чего-то стоит, что красивую женщину можно воспринимать всерьез, как должно.

Прежний директор был ходок, и Маше стоило больших трудов подвести его к мысли, что с ней ему ничего не обломится. Не скоро, но он это наконец понял, переключился на девиц попроще, хоть ту же секретаршу взять.

С этим все было по-другому, он не позволял себе ничего – никаких сомнительных шуток и пустой болтовни. Вызовет в кабинет, кивнет на стул – садитесь, мол, и докладывайте. Если

все хорошо, то в конце улыбнется скупой, если не нравится ему, то ругать попусту не станет, просто укажет на ошибки.

Машу такой стиль общения вполне устраивал, и понемногу она расслабилась. Не нужно думать, как встать, как сесть, как посмотреть, чтобы понравиться, как вовремя улыбнуться, чтобы улыбка не казалась зазывной, а вместе с тем создавала у мужчины впечатление, что эта женщина вполне может им заинтересоваться.

В общем, Маша отбросила все, что составляет легкий служебный флирт, и стала самой собой. Все это было ей легко, поскольку новый директор внешне был не слишком красив.

Среднего роста, худое лицо с неправильными чертами, ранние залысины на висках, очки... Сотрудницы потихоньку выяснили, что он женат, но детей вроде бы нету. И больше никаких подробностей, да Маша и не интересовалась.

Все шло своим чередом, и через некоторое время Маша заметила явное охлаждение коллег. Сотрудницы фыркали при ее появлении и перестали обсуждать с ней тряпки и отпуск, сослуживки глядели мрачно и холодно.

Что-то случилось. Очевидно, Маша сделала что-то не так, и теперь коллектив дружно выражал ей свое порицание. Маша прекрасно понимала, что такие вещи нельзя пускать на самотек, что фирма небольшая и милые сотрудники вполне способны нагадить ей по полной программе. Она мобилизовала всю свою наблюдательность и, входя как-то в кабинет директора, перехватила в зеркале взгляды, которыми обменялись две дамы – секретарша Ленка и бухгалтер Наина Львовна, которая сидела у Ленкиного стола.

В том, что эти двое сидят рядом и мило о чем-то беседуют, была своя странность. Бухгалтер терпеть не могла молодых девчонок, вечно жучила их и воспитывала. Уловив выразительные взгляды, Маша поняла, что сошлись эти двое на нелюбви к ней. Как и весь остальной коллектив.

Вернувшись на рабочее место, она пораскинула мозгами и посчитала, сколько раз за день видится с директором. С утра он ее вызвал, потом просто так сунулась она к нему по какому-то пустяковому вопросу, хотя можно было и позвонить, потом столкнулись у кофеварки в коридоре и поболтали, после чего она принесла ему бумаги на подпись, хотя вполне можно было оставить их у Ленки.

И на обед она пошла позже всех и снова столкнулась с директором у выхода. Пошел дождь, и он предложил даже ее подвезти. Она отказалась, хоть на это ума хватило.

Да что же такое с ней происходит? Неужели она втрескалась в директора, как первокурсница в преподавателя? То есть совершенно не осознавая, что она делает, и не контролируя себя. И коллектив, разумеется, это заметил раньше, чем она сама, у дам глаз наметанный, взять хотя бы эту злыдню Наину. Но это значит... это значит, что директор тоже ее привечает. Ни разу не появилась у него на лице досада от встречи: вот, дескать, бегаешь за мной эта Русакова, проходу не дает. Напротив, он общался с ней с готовностью. Вспомнив, как его некрасивое лицо озарялось улыбкой при встрече, Маша наконец все поняла. Они давно уже симпатизируют друг другу. И не только.

В первую минуту она ужасно на себя разозлилась. Завести роман с директором фирмы! Что может быть глупее и пошлее! Во-первых, он весь на виду. Даже если они будут осторожны, все равно офисные дамы быстро все выяснят, у них в этом смысле настоящая разведка. И запросто могут сообщить его жене.

Вот это вторая причина. Он женат. Давно и, кажется, прочно. А она, Маша, не хочет быть на вторых ролях, для этого она слишком сильно увлечена этим человеком.

Осознав эту мысль, Маша едва не застонала в голос. Она собрала волю в кулак и решила немедленно все прекратить.

Но не тут-то было. Через несколько дней она поняла, что новое неожиданное чувство успело пустить в ее душе сильные корни. Ее так тянуло к этому человеку, что хотелось стонать.

Хотя бы увидеть его один на один. И каких трудов стоило ей держаться строго официально, когда он сам вызвал ее в кабинет.

– Мы должны поговорить, – сказал он, – только не здесь.

– Не здесь, – одними губами ответила Маша.

Условились встретиться после работы, Маша с огромными предосторожностями села к нему в машину. Когда он оказался так близко, рядом, ее заколотила крупная дрожь. Он молча тронул машину с места, руки, лежащие на руле, тоже дрожали. Они молчали всю дорогу, пока он не привез ее в чужую квартиру.

Они набросились друг на друга еще в прихожей. Это была не только страсть, но и любовь.

Как же Маша его любила! Когда она держала в ладонях его некрасивое лицо и смотрела в его глаза, все ее существо переполняла такая нежность, что трудно было дышать.

Она переехала от матери в съемную квартиру, и теперь они могли встречаться с Константином в любое удобное время. На работе положение стабилизировалось, Маша внимательно за этим следила.

Первое время им некогда было просто разговаривать, не хотелось использовать малые крохи отпущенного им времени для пустых разговоров. По прошествии нескольких месяцев страсть не то чтобы утихла, но перешла в более прочное чувство. Хотя рассуждать или хотя бы думать о нем спокойно Маша даже в одиночестве не могла.

О себе он рассказывал скупое – о детстве – да, о родителях, но о нынешней своей семейной жизни ни слова. Маша боялась спросить, ей казалось, что он будет недоволен. И вообще она старалась об этом не думать. Хорошо им сейчас – и слава богу, больше ей ничего не нужно.

Он сказал только, что жена его – очень болезненная женщина, что женаты они очень давно и за это время привязались друг к другу.

Слышать это было Маше неприятно, но, с другой стороны, как считала мама, раз уж он сказал это, значит, задумывается о том, чтобы с женой расстаться.

С мамой Маша была откровенна. Хотелось с кем-нибудь поделиться, рассказать о своей любви, иногда ее просто распирало. Но она рассудила, что подружкам про это даже намекать нельзя. Все друг друга знают, одна не выдержит, проболтается – и пойдут слухи. Можно было бы, конечно, рассказать все Таньке – она могила, но Танька в это время родила дочку и общаться им было некогда. Мама отнеслась к Машиному рассказу очень серьезно, даже пару раз забежала к дочери на работу, чтобы поглядеть на директора.

«Приличный человек, настоящий мужчина! – вынесла она вердикт. – Нужно за него держаться!»

А потом Маша забеременела. Все это было так неожиданно, что она растерялась, побежала опять-таки к маме.

– Послушай меня, – сказала мама, – теперь еще не время. Вот представь, приходишь ты к нему и сообщаем о беременности. Что мужчина думает в таком случае? Что на него давят, что его загоняют в угол и не оставляют выбора.

– Но я же не нарочно...

– А он-то откуда об этом узнает? – возразила мама. – Ты пойми, у него жена на шее висит, он еще с ней не разобрался. А тут ты с младенцем. Разумеется, такие случаи бывают. И часто. Разведется он в конце концов, нервы только потреплет и себе, и тебе, да и ей. И женится, и ребенка любить будет. Но в душе у него останется, что ты его к этому шагу вынудила.

– Не я, а ребенок...

– Правильно, но он-то будет думать иначе! И когда-нибудь обязательно тебе это припомнит! Послушай меня, мужчине нужно знать, что он – хозяин своей судьбы, что он сам все решает. Разумеется, это не так, но женщина должна неуклонно подводить его к этой мысли. А у тебя что получается? Прямое давление! Нет, так примитивно действовать с мужчиной нельзя. Еще пригрози ему, что пойдешь и сама поговоришь с его женой!

– Ее нету, она за границей лечится...

Все-таки мама убедила Машу, что ребенка оставить сейчас никак нельзя. И говорить об этом Константину тоже не стоит.

Он уехал в командировку, потом Маша простудилась и долго болела с осложнениями, потом подвернулась путевка... в общем, они не виделись несколько месяцев, а потом... потом он пришел и сказал ей, что жена его, оказывается, долго лечилась от бесплодия, они перепробовали все что можно у нас и за границей, и наконец вот сейчас все получилось. Он думал, что ничего не получится, и хотел после ее возвращения поговорить начистоту, но теперь все изменилось. Машу он любит, но они с женой так долго ждали ребенка, что он просто не может сейчас жену бросить. Ему очень жаль, но у него теперь есть обязательства перед будущим малышом.

У Маши тогда едва хватило гордости выпроводить его за дверь.

Через два дня приехала мама, у нее были ключи от квартиры. Маша не отзывалась на звонки. К тому времени у нее не было сил даже высказать маме все, что она думает о ее советах. В общем-то сама виновата, не надо было никого слушать. Нужно было сказать ему о беременности. И сейчас они бы ждали их общего ребенка.

Директор уехал в Австрию, где в клинике находилась его жена, а Маша использовала это время для поисков новой работы. Когда он вернулся, она уже уволилась. Далее время промелькнуло незаметно. Маша на автомате ходила на работу, приходила домой, ела что-то приготовленное мамой, молча сидела перед телевизором и засыпала, приняв снотворное. Мама выдавала ей по одной таблетке, остальное прятала – боялась, что дочь наглотеется. Через год Маша отошла настолько, что начала встречаться с бывшим своим одноклассником, хотя мама и говорила, что это дурной тон. Маша ее не слушала. А потом она встретила как-то бывшего своего бухгалтера Наину Львовну. Та сделала вид, что обрадовалась Маше, и затащила ее в кафе. И там, без всяких дополнительных вопросов, рассказала, что ребенок у директора родился очень болезненным, что они с женой истратили уже кучу денег на врачей, но толку пока нету. И не будет, потому что болезнь связана с генетикой, это наследственное. Директор, конечно, никому ничего не рассказывает, но она, Наина, устроила ему консультацию знакомого врача такого профиля, что кое-что стало ясно. На самого директора смотреть страшно, но все знают, что больного ребенка он никогда не бросит – очень порядочный человек.

Дома Маша от души поругалась с мамой. Все ее советы оказались никчемными. И даже больше – теперь все несчастливы: и Маша, и он, и его жена, и малыш, которому лучше было вообще не родиться.

«Нечего на меня сваливать, – отвечала мать, – самой надо было решать». И это было правдой.

Но встреча с Наиной оказалась в какой-то степени полезной. Маша очнулась от спячки и поняла, что прошлое не вернется никогда.

Девушка тяжело вздохнула. В отличие от истории с Антоном эту часть своей жизни она не могла вспоминать без душевной боли.

Прошло три дня, а на четвертый Татьяна срочно вызвала подругу к нотариусу, чтобы оформить продажу квартиры да заодно и покупку двух других. Рустам к нотариусу не явился – ему и не надо, без него прекрасно можно обойтись.

– Сказал, что ему слишком больно тебя видеть... – посмеиваясь, сообщила Татьяна, – что ты нанесла ему незаживающую рану, которую никакое время не вылечит.

– Придурок! – скривилась Маша, ей было ужасно стыдно, что раньше такие банальные слова она воспринимала всерьез, да что там, просто таяла от того, как он их произносил, от его бархатного голоса, от его влажных темных глаз...

– Эй, Русакова, ты опять в астрале? – воззвала Танька в трубку. – Очнись!

– Да нет, – буркнула Маша, – значит, завтра, к одиннадцати, я не опоздаю.

Наутро Татьяна встретила ее у дверей нотариуса в некотором смущении.

– Понимаешь, такое дело... – она смущенно отводила глаза, как будто разглядывала пятно на стене.

– Что, все сорвалось? – испугалась Маша. – Эти люди отказались покупать?

– Да нет, с ними все в порядке, они уже деньги перечислили на специальный счет.

– Что, Рустам не выписался?

– Да нет, он-то выписался... но...

– Говори толком! – рявкнула Маша. – Что ты резину тянешь, только нервируешь меня!

– Он выписался, только перед этим все из твоей квартиры увез. Понимаешь, – затараторила Танька, – Юрашу срочно перевели на другого клиента, он ведь у нас один такой специалист, прямо нарасхват. Ну, он проводил твоего уroda до паспортистки, да и поехал по делам. Я потом звоню твоему – выписался? Так точно, говорит, ключи в ТСЖ оставил. А сегодня утром захожу я за ключами – дай, думаю, квартиру проверю. А там – мамочки мои!

– Ну что?

– Ну, то есть порядок относительный, конечно, есть... Кухня на месте, сантехника, прихожая, в общем все, что встроенное, что просто так не вынесешь, то он оставил. А кровать, мебель мягкая из гостиной, телевизор, видик, даже столик туалетный... в общем, все вывез до последней табуретки.

– А одежду мою? – спросила Маша, зная уже ответ.

– Шуб нету, еще пальто я не нашла – помнишь, серое у тебя было, кашемировое...

– Помню...

– Вот, а остальное все изрезал на мелкие кусочки и аккуратно в ящики сложил...

– Ага, долго трудился, значит... – резюмировала Маша. – Не пожалел времени и сил.

– Русачок... – заговорила Танька упавшим голосом, – ну извини, недоглядела я. Кто же знал, что он до такого опустится? А еще – кто ж знал, что он не побоится? Главное, я сразу Юрашу послала туда, в Купчино, где однушка его. А там никого нету. Квартира стоит пустая, дворничиха говорит – как один раз был, так с тех пор и не являлся. Так что выходит, другая нора у него есть где-то, запасной аэродром. Машка, не смотри так, скажи что-нибудь! Ну, в конце концов, барахло – дело наживное, что уж так убиваться!

Маша прислушалась к себе. Не было у нее в душе никакого особенного горя, была холодная злость. Злость на себя. Ну как можно было дойти до такого?

– Мы будем делом заниматься или из пустого в порожнее переливать? – строго сказала она. – Мне, знаешь ли, на работу надо... я пока еще не безработная...

– Сейчас идем!

Татьяна посмотрела вслед подруге. Кажется, она узнает прежнюю Машку. Деловая, решительная, энергичная... господи, что с ней сделал этот урод, ну ничего, все, что нас не убивает, то делает нас сильнее, это уж точно.

Маша притащилась домой едва живая, потому что пришлось задержаться на работе – начальник и слышать не хотел о том, чтобы отпустить ее просто так. Тем более что Маша ни за что не хотела говорить, что идет к нотариусу, тогда пришлось бы рассказывать о продаже квартиры, что вызвало бы среди сотрудников немалое удивление. Все прекрасно знали, сколько сил и времени потратила она на ремонт и обстановку.

Маша издали заметила во дворе соседа Юрия Филипповича. Рядом с ним вышагивал рослый палевый лабрадор – сосед шел с прогулки вместе с Офелией, которая, надо признать, производила солидное впечатление. Маша сделала вид, что не заметила их, и проскочила в подъезд, чтобы не вести пустые разговоры с соседом. А то еще на чай напросится, а ей сегодня ни до кого.

– Мы и сами прекрасно проведем время, – зевая, сказала она Тунгусу, который был так любезен, что даже встретил ее у порога.

Она положила коту солидную порцию корма и налила себе крепкого горячего чая. В это время в ее дверь позвонили – коротко, требовательно, решительно.

Кот прекратил есть, прижал уши и отбежал в темный угол.

– Да что же здесь творится! – проворчала Маша. – Это какой-то сумасшедший дом! Будет у меня сегодня покой?

Не иначе, сосед высмотрел ее во дворе и теперь явился продолжить знакомство! Вот привязался, прямо как банный лист. Ну зачем ему Маша, ему сто лет в обед!

Наученная прежним горьким опытом, на этот раз она не стала открывать, а спросила через дверь:

– Кто здесь?

– Полиция! – отозвался из-за двери грубый голос. – Откройте немедленно!

– Полиция? – недоверчиво переспросила Маша. – Какая полиция? Почему полиция? Что случилось?

– Открывайте без разговоров! – повторил тот же голос.

– Не открою! – отрезала Маша. – Откуда я знаю, что вы действительно полицейские?

За дверью зашептались, потом прозвучал другой голос – тихий и вкрадчивый:

– Откройте, гражданка, мы вам покажем документы! А то как же мы можем доказать, что из полиции?

Маша на мгновение заколебалась, но потом увидела на двери старомодную медную цепочку – и решила: накинута цепочка и щелкнула замком.

Дверь тут же приоткрылась, в щель сунулась грубая одутловатая физиономия с маленькими тусклыми глазками. Незнакомец и правда был в форме полицейского. Поняв, что дверь шире не открывается, он разочарованно выругался, потом отступил в сторону, на его месте возникло другое лицо – лисье, хитрое, с длинным острым носом и маленькими бегающими глазками.

– Какое недоверие к органам власти! – проговорил второй полицейский, пытаясь сквозь щель заглянуть в квартиру. – Вы же знаете, гражданка, мы только для того и существуем, чтобы обеспечивать покой и порядок!

– У меня здесь и так порядок, – отозвалась Маша. – Короче, зачем вы сюда пришли? Что вам нужно?

– К нам, гражданочка, сигнал поступил, – проговорил Лис, поводя любопытным носом. – Нам соседи жалуются, что у вас здесь шум, крики, музыка громкая...

«Ага, они играют в плохого и хорошего полицейского!» – догадалась Маша.

– Вы же сами слышите, что у меня нет никакого шума! – ответила она сухо.

– Видим и слышим! – острый нос закивал. – Вы нас впустите, мы все осмотрим и протокол составим. О ложном вызове. Сами знаете – порядок такой.

– Вы его можете и на лестнице составить!

Из-за спины Лиса снова показался первый полицейский – грубый и злобный:

– А ну, впустите сейчас же, а то...

– Гоша, угомонись! – Лис отпихнул напарника от двери и снова заговорил: – Вы видите, гражданочка, мой напарник нервничает от такого недоверия, и я его понимаю. Будет лучше, если вы не станете усугублять, впустите нас и дадите сделать свою работу...

– А я еще даже ваши документы не видела! – спохватилась Маша. – Покажите их, пожалуйста!

– Документы? – Лис поморщился. – Будут вам документы, только зачем же сразу так, начинать с недоверия...

В это время за спиной полицейских раздались шаги, и негромкий голос произнес:

– Что здесь происходит?

По мягкому тембру и интонации Маша узнала своего соседа Юрия Филипповича.

– А ты, дед, проходи! – отозвался «плохой полицейский». – Тебя это не касается!

– Как это – не касается? – возразил Юрий Филиппович. – Очень даже касается, поскольку я в этом подъезде живу и как представитель общественности имею право интересоваться! А вы вообще из какого отделения? Из двенадцатого?

– Из какого надо! – рявкнул грубый голос. – Говорят тебе – проходи, если не хочешь неприятностей!

– Постой, Гоша, – оборвал напарника Лис. – Зачем ты так с гражданином? Гражданин действительно имеет право поинтересоваться... а вы, собственно, почему интересуетесь?

– Так все же, из какого же вы отделения? – повторил Юрий Филиппович.

– Из двенадцатого, из двенадцатого! – заверил его Лис.

– А вот мы сейчас туда позвоним и спросим майора Патрикеева, посылал ли он вас сюда...

– А ну, козел, убери телефон! – крикнул «плохой полицейский». – Я что тебе сказал?

– Гоша, Гоша, не надо! – заторопился Лис. – Зачем нам лишние разговоры... так и так сегодня ничего не получится... извините, гражданин, нас на другой адрес вызывают, там нарушение общественного порядка намечается! – и из-за двери донесся дробный стук каблуков сбегающих по лестнице полицейских.

– Все в порядке, Маша! – раздался голос Юрия Филипповича. – Они ушли, можете быть спокойны.

– Вот покоя-то у меня и нету... – проворчала она, но все же решилась открыть дверь, чтобы поблагодарить соседа лично. Он это явно заслужил. – Юрий Филиппович, а кто это такие?

– Очевидно, жулики, раз побежали при упоминании майора Патрикеева.

– Правда есть такой майор в двенадцатом отделении, или вы так просто сказали, чтобы их прогнать? – Маша вспомнила, как Танька пугнула Рустама и он поверил.

– Правда, – усмехнулся сосед, – есть такой человек, и я его хорошо знаю. А эти двое явно не из нашего отделения, пришли не по вызову, какие-то у них свои интересы.

Маше показалось, что сосед смотрит на нее подозрительно. Но она-то при чем, в жизни не было у нее никаких проблем с полицией! Даже дорогу всегда переходила только на зеленый свет!

– И часто у вас такое происходит? – спросила она сердито.

– Никогда раньше не было, – спокойно ответил сосед, – эти двое, они, несомненно, из полиции. Только не из нашего отделения. Интересно, что они тут делали...

«Это Рустам, – Маша похолодела, – наверняка этот подлец подговорил своих знакомых ментов, чтобы явились и напугали меня. Может быть, даже избили. Ведь у него же друзья в полиции, он же угрожал мне, что не оставит в покое. Ну надо же, сволочь какая, сам украл у меня мебель и вообще все вещи и еще нанял этих двоих из полиции. Или просто по дружбе попросил. Да что же это такое, выходит, он ничего не боится? Ничем его не взять».

Маша вошла в ванную и умылась холодной водой. Щеки перестали гореть от злости. Ладно, сама во всем виновата, раньше надо было думать. Нужно быть осторожнее, ему скоро надоест, взять-то с Маши больше нечего, небось уже следующую дуру обхаживает.

Маше снилась унылая и бескрайняя северная равнина, плоские, поросшие низкорослыми деревцами берега неширокой реки, изгибающейся по этой равнине крутыми петлями, как брошенный на газоне садовый шланг.

Тусклое, медно-красное солнце освещало эту равнину своими холодными лучами. Лучи его, и без того неяркие, с трудом проникали сквозь окутавшую равнину сероватую дымку.

По реке плыла маленькая самодельная лодка с безвольно обвисшим парусом. В этой лодке сидели два человека – один, постарше, на веслах, другой возле руля. Лица этих людей

Маша не могла разглядеть из-за той самой дымки, которая стелилась над рекой и над всей этой скудной, блеклой равниной.

Отчего-то Маше казалось очень важным рассмотреть лица двух людей в лодке. Она вглядывалась в них, напрягая зрение, и постепенно сероватая дымка начала редеть...

С самого утра воздух был насыщен дымом, от которого горчило во рту и слезились глаза. Видно, где-то впереди – там, куда плыл шитик, – горела тайга. Солнце стояло низко – большое, тускло-красное, как докрасна накалившая медная сковорода или как огромный внимательный глаз, неотступно следящий за людьми, подмечающий все их дурные поступки и помыслы.

Резкие, выразительные цвета и очертания в окружающих реку лесах и взгорках сгладились, как будто путники смотрели на них через мутное, плохо вымытое стекло или через кисейную занавеску. Все расстояния стали обманчивыми, как будто бескрайняя тайга хотела подшутить над людьми, запутать их. Близкое сделалось далеким, далекое – близким, и невозможно было оценить, на каком расстоянии отстоит от шитика крутая нахмуренная сопка, на которую правил Николка.

Ветра не было, и парус безвольно обвис, так что Николке приходилось работать веслами, но он был привычен к такой работе и не горевал, то и дело поглядывая на своего спутника.

На корме шитика сидел Павел Крестовский, петербургский студент-геолог, год назад сосланный в Сибирь за участие в студенческих беспорядках.

В Петербурге у Крестовского осталась мать, небогатая вдова-чиновница, которая жила тем, что сдавала комнаты постояльцам, и с трудом вырученные деньги посылала сыну.

Местом ссылки для Крестовского был назначен Александровский острог, небольшой поселок неподалеку от Подкаменной Тунгуски, в котором соединялись пушная фактория, торговое поселение и временное жилье для политических ссыльных.

Кроме политических, население поселка составляли ссыльные сектанты, коренные сибиряки-челдоны, промышлявшие по большей части охотой и рыбной ловлей, старатели, безуспешно искавшие по берегам окрестных рек золото, и аборигены здешних мест – тунгусы, сами себя называвшие эвенками.

Прибыв в Александровский острог, Крестовский пораился окрестным просторам, простоте и честности тамошних жителей. Он подумал, что ссылка не так страшна, как про нее говорят, и что он здесь многому научится и станет другим человеком – ближе к земле, ближе к простому народу. Кроме того, Крестовский надеялся найти много интересного по своей будущей научной профессии.

Он совершал большие походы по окрестностям поселка, изучал сопки и скалы, собирал образцы сибирских минералов и почв, наблюдал за сибирской фауной. Местный становой пристав Акинфеев, которому по долгу службы полагалось присматривать за ссыльными, интересоваться, чем они живут, смотрел на эти занятия сквозь пальцы: будучи от природы человеком незлым и рассудительным, он считал, что никакого вреда от таких изысканий не будет, и даже хорошо, что голова ссыльного занята какой-то полезной работой. Кроме того, у пристава мало было свободного времени – почти все время он выпивал в компании дьячка местной церкви.

Однако вскоре наступила зима, первая его зима в Сибири, и бывший питерский студент понял, почему с таким страхом все говорят об этих местах.

Морозы стояли ужасные, такие, что птицы валились с неба замертво и слюна замерзала на лету, ледышкой падая на землю. Жители Александровского острога попрятались по домам, только по необходимости изредка оставляя свои теплые избы.

От холода и скуки многие из ссыльных запили, многие перессорились, доходило дело до мордобоя и даже до поножовщины, а Иван Коробицын, бывший семинарист из Торжка, наложил на себя руки. Только коренные местные жители, тунгусы, или эвенки, как они сами себя называли, бодро бегали на морозе в своих меховых, расшитых бисером кухлянках. Хорошо,

что Крестовскому удалось купить у своего квартирного хозяина теплый нагольный тулуп, меховую шапку и валенки, иначе он не дотянул бы до весны.

Но наконец эта весна наступила – куда позже, чем в Петербурге, но все же наступила.

Вскрылись ручьи и реки, ожила тайга, покрылась яркими незнакомыми цветами. Ожили люди, словно проснувшиеся после зимней спячки медведи. Снова появился у жизни смысл.

И тут, в самом конце июня, случилось необыкновенное, небывалое происшествие.

Сперва, за три дня до главного события, небо по ночам стало непривычно светлым. Плавали в нем небывалые серебристые облака, и сумерки были необыкновенно яркими, и вокруг солнца появился странный светящийся круг.

А потом, утром тридцатого июня, по небу с юга на север пролетело странное светящееся тело. Полет этого тела сопровождался настоящим громом.

Крестьяне-поселенцы и бывалые сибирские охотники-челдоны провожали летящее тело перепуганными взглядами, крестились и вполголоса говорили, что это сам Илья-пророк летит по небу на своей железной колеснице, что наступают последние дни и скоро нужно ждать конца света.

Особенно взволновались сектанты-преисподники, лет тридцать назад сосланные за свою веру в скорое наступление конца света. Их предводитель, отец Ириней, объявил, что конец света наступит в ближайшие дни и к нему нужно готовиться. Сектанты вырыли себе неглубокую пещеру неподалеку от поселка, взяли еды на несколько дней и ушли под землю ждать осуществления пророчества своего вождя. Эту пещеру сектанты называли преисподней, а по их вере только в преисподней и можно спастись в дни Страшного суда.

Тунгусы же, коренные местные жители, говорили про страшного бога Агды. Впрочем, и они считали, что конец света не за горами, но относились к этому с восточной невозмутимостью.

Светящееся тело скрылось за горизонтом, и вскоре после этого на севере раздался грохот, от которого во многих домах поселка вылетели стекла.

Весь поселок бурно обсуждал происшествие. Высказывались самые противоречивые и самые невероятные гипотезы – от того же близкого конца света до не менее фантастического предположения, что снова началась война с Японией и коварные японцы выпустили снаряд из какой-то немыслимой гигантской пушки.

Последнюю гипотезу, впрочем, отверг становой пристав: он заявил, что ежели бы и впрямь началась война, его бы об этом непременно уведомило губернское начальство и непременно вышел бы указ о новых строгостях военного времени.

И только Крестовскому было ясно, что произошло.

Как человек с естественно-научным образованием, хотя и незаконченным, он не сомневался, что над Александровским острогом пролетел небесный болид, иначе говоря – метеорит, небесное тело, вторгшееся в пределы земной атмосферы. Судя по яркому сиянию, громкому звуку, сопровождавшему полет болида, и особенно по силе следовавшего за этим полетом взрыва, метеорит был на редкость крупный, пожалуй, самый крупный из всех, которые когда-либо приходилось наблюдать астрономам.

Крестовский не без основания решил, что ближе его к эпицентру редкого события нет никого из ученых астрономов или географов и что ему выпал редкий случай внести свою посильную лепту в отечественную науку и тем самым, возможно, прославиться, первым обследовав уникальный метеорит.

Ему уже виделись статьи в серьезных научных журналах Санкт-Петербурга и Берлина и даже целые монографии, посвященные этому метеориту, где будет указано, что именно он нашел и первым описал небесное тело. И чем черт не шутит – возможно, метеорит будет назван его именем...

А что – это неплохо звучит: метеорит Крестовского...

Но для того, чтобы эти мечты сделались реальностью, нужно еще этот метеорит найти и исследовать.

Для начала Крестовский подробно записал свои впечатления от пролета метеорита над Александровским острогом, упомянув и предшествовавшие этому необычные атмосферные явления, свечение ночного неба, серебристые облака, а также громкий звук, сопровождавший пролет болида, и последствия взрыва.

Теперь нужно было сделать главное: найти сам метеорит и по возможности исследовать его.

Крестовский пришел к становому приставу и сообщил тому, что хочет совершить очередную экспедицию в тайгу для изучения местных минералов, заверив того, что не имеет в мыслях намерения совершить побег.

Пристав, как обычно, отнесся к его просьбе благосклонно: он считал, что изыскания ссыльного студента не принесут никакого вреда, а возможно, будут даже полезны, если тому удастся найти на подотчетной территории золото или ценную руду. И что всякий труд может способствовать превращению политически неблагонадежного человека в полезного члена общества. А что касается возможного побега... да куда же здесь бежать, когда вокруг на сотни и тысячи верст раскинулась бескрайняя тайга!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.